

Искусно сплетенная современная сказка.
The Times Magazine

В.К.ЭНДРЮС

Розы на руинах

Роман

Семейная сага с захватывающим сюжетом...
Миллионы читателей
не в силах выпустить книгу из рук.

18+

Ms London

Вирджиния Клео Эндрюс
Розы на руинах
Серия «Азбука-бестселлер»
Серия «Доллангенджеры», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17099628

*В.К. Эндрюс. Розы на руинах: Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-10994-0*

Аннотация

Эта книга – продолжение захватывающей саги американской писательницы В. К. Эндрюс о семействе Доллангенджер. Первый роман, «Цветы на чердаке», основанный на реальных событиях, сразу стал бестселлером и был дважды экранизирован. По романам «Лепестки на ветру» и «Розы на руинах» в 2014–2015 гг. сняты телефильмы с Хизер Грэм и Роуз Макивер.

Кэти и Крис Доллангенджер и двое их сыновей ведут уединенную жизнь в небольшом городке. Дети не подозревают о том, какую трагедию пришлось пережить в юности их родителям. Однако прошлое не устает напоминать о себе. В соседнем доме поселяется загадочная женщина в черном, которой удается завязать отношения с младшим из братьев, девятилетним Бартом. Ее зловещий дворецкий, задумавший использовать Барта для осуществления ужасной мести, план которой он вынашивал много лет, раскрывает мальчику постыдные тайны прошлого...

Роман также издавался под названием «Сквозь тернии».

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Джори	6
Барт	12
Первое знакомство	17
Пошла охота	24
Сладость и горечь	32
Мое заветное желание	40
Тени	49
Подмыш	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

В. К. Эндрюс

Розы на руинах

V.C. Andrews
IF THERE BE THORNS
Copyright © 1981 by Vanda General Partnership
All rights reserved

© З. Зарифова, перевод, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Сильная сторона ее книг – сочетание невероятной интриги с состраданием к тем, кто попал в ловушку.

The Times

Семейная сага с захватывающим сюжетом... миллионы читателей не в силах выпустить книгу из рук.

Ms London

В. К. Эндрюс (1923–1986) – американская писательница, ставшая необыкновенно популярной сразу после опубликования ее удивительного романа «Цветы на чердаке», за которым последовали другие книги захватывающей саги о семействе Доллангенджер. В дальнейшем под именем В. К. Эндрюс вышло еще более 50 романов, неизменно пользующихся любовью читателей. Книги В. К. Эндрюс были переведены более чем на 30 языков мира и проданы в количестве более 100 миллионов экземпляров.

Часть первая

Пролог

По вечерам, когда тени становятся длинными, я тихо и неподвижно сижу возле одной из мраморных статуй Пола. Я слышу, как статуи шепчут о прошлом, которого мне никогда не забыть, и робко намекают на будущее, которое я пытаюсь игнорировать. Призрачно мелькая в бледном свете восходящей луны, обманчивые сожаления говорят мне, что сегодня я могла бы сделать все по-другому. Но я такая, какая есть, мною управляют инстинкты. Похоже, я никогда не переменюсь.

Сегодня я нашла в своих волосах серебряную нить, напомнившую мне, что скоро я могу стать бабушкой, и меня пробрала дрожь. Какая бабушка из меня выйдет? А какой матерью я была? В сладостных сумерках я сижу и жду, что Крис подойдет ко мне и скажет своими голубыми глазами, что я никогда не поблекну, ведь я не бумажный цветок, а настоящий.

Он обнимет меня, и я положу голову ему на грудь. Мы оба знаем, что наша история почти завершена и что Барт и Джори даны нам обоим, неважно, к хорошему или к плохому.

Теперь это их история – история Джори и Барта, – и пусть они расскажут ее по-своему.

Джори

Если папа не заезжал за мной в школу, то желтый школьный автобус высаживал меня в пустынном месте, где я вытаскивал из ближайшей канавы свой велосипед, который оставлял каждое утро там же, ожидая автобуса.

На велосипеде я ехал по узкой безлюдной дороге, вдоль которой совсем не было домов, до огромного особняка. Этот особняк всегда притягивал мой взор. Я гадал, кто жил здесь раньше и почему теперь он пуст. Когда я доезжал до него, то считал себя почти дома.

Наш дом стоял на отшибе. К нему вела дорожка, на которой было больше изгибов и поворотов, чем в головоломке, где мышка идет к сыру. Жили мы в Фэрфаксе, в тридцати километрах к северу от Сан-Франциско. Неподалеку был океан, а горы были покрыты сосновым лесом. Климат здесь был достаточно прохладный. Туманы часто гостили в наших местах, перекатываясь волнами через долины. В тумане все вокруг делалось зыбким и влажным, но романтичным.

Как бы мне здесь ни нравилось, я навсегда сохранил смутные ностальгические воспоминания о южном штате, где мы жили раньше; о саде, в котором росли гигантские магнолии, все в ниспадающих бородах испанского мха. Помнил я высокого человека с черными, но начинавшими седеть волосами, человека, который называл меня сыном. Я помнил даже не его лицо, а то ощущение тепла и надежности, которое от него исходило. Подозреваю, что самое печальное открытие для взрослеющего человека – это потеря уверенности в том, что кто-то большой и сильный надежно оградит тебя от всяких напастей и даст блаженное ощущение безопасности. Никто уже не возьмет тебя на руки...

Крис – третий муж моей мамы. Мой родной отец умер еще до моего рождения, его звали Джулиан Марке, и в балетном мире он был очень известен. Но вряд ли кто за пределами Клермонта, что в Южной Каролине, знал доктора Пола Скотта Шеффилда, второго мужа мамы. В том же самом штате, в городке Грингленн, живет сейчас моя бабушка по отцу, мадам Мариша.

Каждую неделю я получаю от нее письмо, а каждое лето мы навещаем ее. Она так же, как и я, мечтает о том, чтобы я стал самым знаменитым в мире танцовщиком. И я стану, я докажу это всем; мне надо поддержать семейную традицию и достичь славы, до которой не дожил мой отец.

Мою бабушку никак нельзя назвать старушкой почти семидесяти четырех лет. Когда-то она была знаменитой балериной, и она ни на минуту не позволит миру забыть об этом. У нас даже договор: никогда не называть ее бабушкой, когда вокруглюдно и я могу выдать ее возраст. Она как-то прошептала мне, что согласна, чтобы я называл ее мамой, но мне это не нравится, ведь у меня есть настоящая мама, которую я обожаю. Поэтому я называю ее мадам Мариша или просто мадам, как многие ее знакомые.

Когда мы возвращаемся каждый год из Южной Каролины в свою долину и в свой длинный дом из сосны, мы чувствуем себя уютно и спокойно. «В уютной долине, не продуваемой ветрами», как часто говорит мама, будто ветер – главная для нее неприятность.

Я доехал до дома, припарковал велосипед и вошел в дом. Нигде не видно ни Барта, ни мамы! Я побежал в кухню. Эмма готовила обед. Она провела на кухне большую часть своей жизни, и оттого у нее такая «приятно округлая» фигура. У Эммы длинное, суровое лицо, но это пока она не улыбнется; к счастью, она почти всегда улыбается.

Эмма может приказать тебе сделать то или иное дело по кухне, но все с улыбкой, весело, хотя мой брат Барт и тогда дует на нее. Я подозреваю, что она более терпеливо и участливо относится к Барту, чем ко мне, потому что Барт вечно проливает молоко, когда пьет из стакана, и роняет стакан с водой, не донеся его до рта. У него ничего не держится в

руках, и нет такого предмета, на который он бы не натолкнулся. Из-за него падают столы и перегорают лампы. Если где-то в доме есть еще не спрятанный кабель, то Барт непременно наступит на него, выдернет вилку из розетки, и на пол упадет миксер, или приемник, или другой прибор.

– А где Барт? – спросил я у Эммы, которая чистила картошку.

В духовке уже жарился ростбиф.

– Ей-богу, Джори, я была бы только рада, если бы этот мальчик оставался в школе подольше. Я боюсь, когда он входит в кухню. Я должна тогда бросить все и только следить, чтобы он куда-нибудь не влип или не уронил что-то. Благодарение Богу, он теперь нашел себе занятие – вечно сидит на стене. Что вы, мальчишки, находите там, на этой стене?

– Ничего такого, – отвечал я.

Я не хотел рассказывать ей, что мы с Бартом часто перелезали через стену и играли в том огромном пустом доме. Нам не запрещали ходить, куда мы хотим, но родителям не следует говорить всего.

– А где мама? – был следующий мой вопрос.

Эмма сказала, что мама приехала рано, после того как отменила занятия в балетной школе. Это я уже знал. Половина класса заболела, объяснил я.

– Ну а сейчас она где?

– Джори, не могу же я следить за всеми вами и одновременно готовить. Что-то такое она говорила, что надо пойти на чердак взглянуть на старые картины. Отчего бы тебе не присоединиться к ней?

Это был предлог отослать меня из кухни. Я пошел к лестнице, ведущей на чердак, которая находилась в дальнем конце длинного коридора. Проходя через общую комнату, я услышал звук открывшейся и захлопнувшейся входной двери. К моему удивлению, я увидел папу, который в полной задумчивости стоял в холле. Странное выражение застыло в его глазах. Я не хотел нарушать его мыслей и поэтому в нерешительности остановился.

Поставив на пол свой черный портфель, он пошел в спальню. Потом остановился, как и я, застигнутый врасплох балетной музыкой, льющейся с чердачной лестницы. Что там делает мама? Опять танцует? Когда я спрашивал ее, почему она танцует на чердаке, она говорила, что ее «тянет» туда, несмотря на пыль и жару.

«Но только не говори ничего отцу», – несколько раз предупреждала она.

Когда я надоел ей с расспросами, она перестала ходить на чердак, а вот теперь – опять. Я пошел вверх. Следом за папой. Послушаем, как она объяснит это ему.

Я прокрался за ним на цыпочках до самого верха и затаился там. Папа остановился как раз под голой лампочкой, свисающей с потолка. Мама танцевала, будто не замечая его. В руках у нее была щетка, и она шаловливо сметала воображаемую пыль, явно исполняя партию Синдереллы, но уж никак не Принцессы Авроры из «Спящей красавицы», под чью музыку она танцевала.

Мне показалось, что мой отчим потрясен и испуган. Как странно. Я не понимал, что между ними происходит. Мне четырнадцать, Барту – девять, и мы оба, конечно, еще дети. Но кое-что я уже знал, и та любовь, что была между моими родителями, всегда казалась мне чем-то глубоко отличным от отношений между родителями моих одноклассников. Их любовь была более открытой, более страстной. Когда они думали, что рядом никого нет, они делали друг другу знаки глазами и касались друг друга руками, проходя мимо.

Подрастая, я стал обращать на эти отношения больше внимания. Я удивлялся, какими разными были модели их поведения на людях и дома, для меня и Барта. А еще одна, наиболее эмоциональная сторона существовала только для них двоих. Откуда же им было знать, что их двое сыновей не всегда были достаточно скромны, чтобы отвернуться и оставить их вдвоем?

Может быть, думал я, все взрослые ведут себя соответственно этим моделям.

Папа смотрел, как мама вращается в пируэтах и ее длинные светлые волосы развеваются, образуя полукруг. Она танцевала во всем белом, и я зачарованно следил за ее щеткой, которую она вонзала, словно меч, в мебель, сваленную на чердаке.

На полках вокруг были старые игрушки, поломанные машинки, фарфоровая посуда, которую они с Эммой когда-то разбили и надеялись еще когда-нибудь склеить. С каждым взмахом щетки она приводила в движение рой золотых пылинок. Они безумно толклись, пытались осесть вниз, но она вновь взмахивала щеткой, и вновь игра пылинок в свете лампы завораживала ее и меня.

– Прочь! – кричала она им, как королева рабам. – Уйдите и не показывайтесь!

Она кружилась так быстро, что у меня замельтешило в глазах. Она изящно выбрасывала ногу, откидывала голову, – все фуэте она проделывала даже более профессионально, чем на сцене! Одержимая музыкой, она кружилась все быстрее, быстрее... она танцевала так драматично, что мне захотелось сбросить туфли и присоединиться к ней, стать ее партнером. Но я остался стоять в темно-лиловых сумерках чердака, не в силах оторваться от зрелища, которому я не должен был стать свидетелем.

Папа сделал слабое движение. Мама казалась такой юной и прекрасной, что нельзя было поверить, будто ей уже тридцать семь; и такая она была незащищенная, трогательная, как девочка шестнадцати лет.

– Кэти! – наконец закричал ей папа, рывком снимая иглу проигрывателя со старенькой пластинки. – Остановись! Ну что ты делаешь?

Она в притворном страхе воздела свои тонкие белые руки, приближаясь к нему мелким балетным шагом, называемым бурре. А потом она закружилась вокруг папы в вихре маленьких пируэтов и начала смахивать пыль с него!

– Остановись! – закричал он, вырвал у нее щетку и отбросил в угол.

Он схватил ее за талию и за руки, и на ее щеках проступила краска. Руки повисли, как сломанные крылья птицы. Голубые глаза ее казались в полумраке еще больше, полные губы начали подрагивать, и медленно-медленно, очень неохотно, она посмотрела туда, куда гневно указывал ей папин палец.

Я тоже взглянул туда и с удивлением увидел две кровати там, где у нас затевался ремонт, чтобы сделать в этой части чердака комнату отдыха. Комната отдыха, но при чем тут кровати? Кровати, застеленные бельем, посреди всего этого хлама? Зачем?

Мама заговорила хриплым, испуганным голосом:

– Почему ты так рано, Крис? Ты обычно не возвращаешься в это время...

Я был рад, что он наконец узнал ее тайну. Теперь он больше не позволит ей танцевать в этой пыли, в сухом воздухе, где можно запросто упасть в обморок.

– Кэти, когда-то я принес эти кровати сюда, но как ты умудрилась поставить их рядом? А матрасы как ты притащила?

Тут он обнаружил между кроватями корзину для пикников и вспыхнул еще больше:

– А это что такое?! Кэти, неужели история должна повториться? Разве ошибки нас ничему не учат? Неужели мы должны пройти все это снова?

Снова? Что «снова»? О чем он?

– Кэтрин, – строго продолжал папа, – не строй из себя невинность, как глупый ребенок, пойманный на воровстве. Зачем здесь эти кровати, эти чистые простыни и одеяла? Зачем эта корзина? Разве мы не навидались таких корзинок на всю оставшуюся жизнь?

А я-то было подумал, что она поставила здесь две эти кровати, чтобы мы после танцев могли вместе с ней упасть здесь и отдохнуть без посторонних глаз.

Я подвинулся поближе, чтобы лучше слышать. Что-то грустное они оба вспомнили; какое-то скорбное событие пролегло между ними. Какая-то глубокая и свежая рана, незаживающая рана...

Мама казалась пристыженной. Папа стоял в ошеломлении: в нем боролись, сколько я мог понять, желание обвинить и желание простить.

– Кэти, Кэти, – с болью повторил он, – не будь как она ни в чем, прошу тебя!

Тут мама вскинула голову, распрямила плечи и с гордостью взглянула ему в глаза. Она отбросила назад свои длинные волосы и улыбнулась очаровательной улыбкой. Мне показалось, что она сделала это только для того, чтобы папа перестал задавать вопросы, которые были ей неприятны.

Мне вдруг стало холодно в затхлом полумраке чердака. По спине пробежал холодок. И внезапно нахлынул стыд оттого, что я подсматривал, хотя это была привычка Барта, а не моя.

Но как теперь скрыться, не привлекая их внимания? Поневоле мне пришлось оставаться там.

– Погляди мне в глаза, Кэти. Ты больше не хорошенькая молоденькая инженеру, и жизнь – это не игра. Зачем тут кровати? И эта корзина только довершает мои опасения. Что ты задумала, черт возьми?

Она хотела обнять его, но он оттолкнул ее руки:

– Не пытайся меня обольщать, когда мне так тошно. Я каждый день спрашиваю себя, как я могу после стольких лет, стольких страданий приходить домой и не устать видеть тебя. И все же год из года я продолжаю любить тебя, верить тебе и нуждаться в тебе! Пожалуйста, не превращай мою любовь к тебе в безобразную комедию.

Выражение ее лица стало недоуменным и мрачным; полагаю, что мое – тоже. Или я неправильно понял, или он не любит ее больше? Мама глядела на эти кровати, будто сама удивлялась, зачем они здесь.

– Крис, пожалей меня! – сказала она, снова раскрывая объятия.

Он покачал головой.

– Пожалуйста, не делай вид, что не понимаешь! – попросила она. – Я не помню, чтобы я покупала корзину. Прошлой ночью мне приснился сон, что я пришла сюда и поставила кровати рядом... но когда я сегодня поднялась сюда, то подумала, что это ты поставил их!

– Кэти! Не ставил я их!

– Выйди из тени. Я тебя не вижу.

Она отодвинула руками воображаемую паутину. Или там правда была паутина? Но она сразу же посмотрела на свои руки враждебно, будто они предали ее.

Я огляделся. Да, чердак никогда еще не выглядел таким чистым. Пол был выскоблен, куски старого картона аккуратно сложены стопочкой. Она даже развесила на стенах сухие букеты и картины – для уюта.

Папа смотрел на нее, будто она тронулась рассудком. Я удивлялся: ведь он врач, отчего же он не поймет ее состояния? Отчего молчит? Или он думает, что она притворяется, будто ничего не помнит? Он мягко сказал:

– Кэти, не гляди так испуганно. Больше тебе не нужно плыть, захлебываясь, в море лжи. Ты не потонешь. У тебя не будет видений. И не придется хвататься за соломинку, потому что всегда рядом буду я. – Он обнял ее, и она отчаянно вцепилась в него. – Все хорошо, дорогая...

Он гладил ее, вытирал слезы, бегущие по ее щекам. Потом поднял ее голову за подбородок, и их губы встретились. Поцелуй их длился без конца; я стоял, затаив дыхание.

– Бабушка умерла. Фоксворт-холл сгорел дотла.

Фоксворт-холл? Что это такое?

– Нет, Крис. Не верю. Я только что слышала, как она взбиралась по лестнице. А как она может взойти по лестнице, если она боится высоты?

– Ты что, спала здесь и тебе приснилось?

Я поежился: о чем они, черт возьми? Какая бабушка?

– Да, – проговорила она, целуя его. – Наверное, я приняла душ, легла на террасе в спальне, и мне приснился дурной сон. Я даже не помню, как я здесь очутилась. Я не помню, как поднялась сюда по лестнице, отчего я начала танцевать. Иногда я ощущаю, что я – это она, и тогда я ненавижу саму себя!

– Нет, ты не она, и мама далеко теперь, она никогда не сможет вмешаться в нашу жизнь. Виргиния отсюда в тысячах километров, и все, что было, – прошло. Спроси сама себя: если мы выжили в худшие времена, неужели мы сдадимся и не переживем лучшие?

Мне хотелось то уйти, то остаться, я ничего не понимал. Я видел своих родителей со стороны, как чужих людей, юных, несовершеннолетних, слабых, какими я их не представлял.

– Поцелуй меня, – пробормотала мама. – Прогони эти призраки. Скажи, что любишь меня и будешь любить всегда, что бы я ни сделала.

Он охотно исполнил все ее желания. А потом, успокоенная, она попросила его потанцевать с ней. Она снова поставила пластинку, и полилась музыка.

Я видел, как неловко он делал балетные па, столь знакомые мне. У него не хватало грации, чтобы вести такую партнершу, как моя мама. Мне было неудобно за него. Она поставила другую пластинку, танцевальную мелодию. Теперь папа чувствовал себя увереннее. Прижавшись щека к щеке, они скользили по чердаку.

– Мне так не хватает тех бумажных цветов, которые мы видели, просыпаясь, – проговорила мама.

– А помнишь, как внизу под лестницей близнецы смотрели маленький черно-белый телевизор... – с закрытыми глазами сказал папа. – Тебе было в то время только четырнадцать, и, к своему стыду, я уже тогда любил тебя.

К стыду? Почему?

Он не мог знать ее, когда ей было четырнадцать. Я нахмурился, стараясь припомнить, когда они встретились. После того как родители мамы погибли в автомобильной катастрофе, мама и ее сестра Кэрри убежали из дома. Они поехали на автобусе на юг, и одна добрая чернокожая женщина по имени Хенни взяла их домой, к своему хозяину доктору Полу Шеффилду, который великодушно принял двух девочек. Мама там продолжила заниматься балетом и там же встретила с Джулианом Марке – моим отцом. Я родился вскоре после его гибели. Тогда мама вышла замуж за дядю Пола. Он – отец Барта. Уже потом, много лет спустя, она вышла замуж за приехавшего туда Криса, младшего брата Пола. Значит, откуда ему было знать маму, когда ей было четырнадцать? Неужели они соврали нам? О боже...

Танец закончился, а спор возобновился:

– Я хочу, чтобы ты торжественно пообещала мне, что никогда, никогда не станешь прятать Джори с Бартом на чердаке, даже если завтра я умру и ты решишь выйти замуж немедленно.

Мама отпрянула от него и гордо подняла голову:

– Значит, вот ты какого обо мне мнения? Иди ты к черту, если думаешь, что я настолько похожа на нее! Да, может быть, я и поставила кровати сама. Может быть, я принесла сюда эту корзинку. Но неужели я могла подумать... неужели ты... Крис, ты же знаешь, что я никогда этого не сделаю!

Чего, чего не сделает?

Но он заставил ее поклясться. Ее глаза гневно сверкали, но она повторила за ним все слова клятвы.

Я был зол на папу, я думал о нем лучше. Он должен бы знать, что мама не станет скрывать своих детей. Она любит нас.

Папа схватил корзинку для пикников и выбросил ее через окно. Посмотрел, как она упала, и обернулся к маме:

– Может быть, мы умножаем грехи наших родителей, живя вместе. Может быть, Джори и Барту будет неприятно узнать правду. Но тогда не шепчи мне ночью о том, чтобы взять еще одного ребенка, не склоняй меня к этому! Мы совершили грех, и не надо вовлекать в него еще одну душу! Разве ты не понимаешь, что, поставив здесь эти кровати, ты уже бессознательно распланировала, как будешь действовать, когда наш секрет откроется?

– Нет, – умоляюще протянула она к нему руки. – Я не хотела...

– Ты должна была подразумевать это! Неважно, что случится с нами, но мы не должны, ты не должна, спасая себя, губить своих детей!

– Да я ненавижу тебя за одну мысль о том, что я могу быть такой!

– Я стараюсь быть терпеливым с тобой. Пытаюсь поверить тебе. Знаю, что тебя преследуют кошмары. Знаю, что от нас никогда не уйдут воспоминания. Но нужно честно посмотреть на себя. Разве ты не знаешь, что подсознательное часто приводит к реальности?

Он успокоился, подошел к ней и обнял. Она опять в отчаянии прижалась к нему. Откуда это отчаяние?

– Кэти, милая моя, утри слезы. Бабушка хотела, чтобы мы поверили в муки ада – наказание за грехи. Но нет большего ада, чем тот, который люди сами создают себе. И нет рая, кроме того, что мы сами себе построим. Не разрушай моей веры в тебя. Для меня нет жизни без тебя.

– Тогда не навещай больше в этом году твою мать.

Он взглянул на нее с болью в глазах. Я не мог больше стоять; я опустился на пол.

Что тут произошло? И почему мне так страшно?

Барт

– И на седьмой день Бог отдыхал от трудов своих, – читал Джори, пока я утрамбовывал землю, посеяв на пятое мая, день рождения тети Кэрри и дяди Кори, анютины глазки в их память.

Маленькие дядя и тетя, которых я никогда не видел. Оба умерли давным-давно, еще до моего рождения. В нашей семье часто кто-нибудь умирал. (Удивительно, что они находят в этих анютиных глазках? Глупые, никчемные цветочки с пестрыми личиками.) Жаль, что мама всегда так чинно отмечает дни рождения умерших.

– И знаешь, что самое главное? – спросил Джори важно, будто я был последний олух в свои девять лет, а он – совсем взрослый в четырнадцать. – В самом начале, когда Бог только создал Адама и Еву, они жили в Эдеме вовсе без одежды. Но однажды говорящий змей сказал им, что это греховно, и тогда Адам надел фиговый лист.

Фу... голые люди, которые даже и не соображали, что ходить голыми – это грех?

– А что надела Ева? – спросил я, оглядывая окрестные деревья в надежде увидеть подходящий лист побольше.

Но Джори продолжил читать, не отвечая, в той своей манере нараспев, которая напоминала мне о древних временах, когда Бог надзирал за всеми – даже за голыми людьми, которые разговаривали со змеями. Джори говорил, будто он может положить любую библейскую историю на воображаемую музыку, и это пугало меня и вызывало бешенство: ведь я не мог слышать этой воображаемой музыки! Это будто делало меня глупее, еще хуже, чем просто тупым!

– Джори, а где здесь найти фиговый лист?

– Зачем тебе?

– Я бы снял одежду и носил его.

Джори рассмеялся:

– Ой, не могу! Барт, мальчишка может носить фиговый лист только на одном-единственном месте, но ты будешь смущен, если я тебе скажу на каком.

– Скажи! Я не засмущаюсь!

– Не-ет! Тебе станет стыдно!

– Мне никогда не стыдно!

– А тогда откуда ты знаешь, что такое стыд? Кроме того, ты что, видел когда-нибудь, чтобы папа, например, носил фиговый лист?

– Нет...

Но если я никогда не узнаю, что такое фиговый лист, как я пойму, стыдно мне это будет или нет? Я сказал об этом Джори.

– Ха, тебе будет стыдно, будет!

Он снова начал насмехаться и прыгать через все сразу мраморные ступени длинным и легким прыжком мне на зависть. Я-то знаю: он хотел, чтобы я семеня следом и беспомощно завидовал. Как бы я хотел быть таким же ловким! Как бы было хорошо так же танцевать, и чтобы все вокруг восхищались и любили меня... Джори всегда был старше, выше и красивее меня. Но погоди, Джори. Может, я стану умнее тебя, если уж не выше и красивее. У меня недаром большая голова – значит, в ней много мозгов. Я вырасту, я буду расти день за днем и, может быть, перерасту Джори. Я буду выше папы, выше всех в мире!

Девять, только девять... как бы мне хотелось, чтобы мне было уже четырнадцать.

Джори сидел на верхней ступени, недосыгаемый. Оскорбительный. Ненавистный.

Я помню тот день, когда мне было только четыре года и Эмма дала каждому из нас в руки по желтенькому пушистому цыпленку. Никогда не испытывал ничего подобного тому

восторгу; никогда больше не держал в руках такого чуда... Я держал его, любил его, вдыхал его младенческий запах, а потом опустил осторожно на землю... и проклятый цыпленок упал замертво!

«Ты чересчур сжал его, – сказал папа, который все всегда мог объяснить. – Я же предупредил, чтобы ты не держал его чересчур сильно. Цыплята очень нежные, и обращаться с ними надо с осторожностью. Сердечко у них находится совсем близко под кожей, так что давай договоримся, что в следующий раз ты будешь осторожнее, ладно?»

А я боялся, что Бог тут же накажет меня, прямо на месте, хотя ведь это была и его вина, верно? Я же не виноват, что мои нервные окончания не пронизывают всю кожу и что я не могу чувствовать боль, как все, – это Его вина! Но Бог простил меня, и через некоторое время я подошел к клеточке, в которой гулял живой цыпленок – цыпленок Джори. Я вытащил его и хотел сказать ему, что у него есть надежный друг. Как мы веселились с ним! Он бегал от меня, я гонялся за ним, наверное, часа два или больше, – и вдруг ни с того ни с сего этот цыпленок тоже упал замертво!

Я ненавидел смерть и всех мертвяков. Отчего жизнь такая хрупкая?

«Что с тобой? – кричал я ему в отчаянии. – Я же не давил на этот раз! Я даже не держал тебя! Я был осторожен, так перестань притворяться, а то папа подумает, что я нарочно убил тебя!»

Как-то раз я видел, как папа спас тонущего человека и выкачал воду у него из легких. Я сделал то же самое, надеясь, что цыпленок оживет. Но он был мертв. Я помассировал его сердце, но никакого результата не последовало... Я молился, чтобы он ожил, но он оставался мертв.

Я ни для чего не годился. Все было напрасно, ничего не получалось. Я никак не мог оставаться чистым. Эмма говорила, что надевать на меня чистую одежду – пустая трата ее времени и усилий. Я желал помочь вытереть тарелку – и непременно ронял ее. Мне покупали новую игрушку – и через несколько минут она ломалась. Я обувал новые башмаки – и через десять минут они уже выглядели как старые. Я же не виноват, что они стираются так быстро. Просто не умеют делать хорошую обувь. Я никогда не видел своих коленок не пораненными и не забинтованными. Когда я играл в мяч, мои руки не слушались и не могли поймать его. Подпрыгивая, я падал. Больше того, дважды при игре в мяч я ломал пальцы. Трижды я падал с дерева. Однажды я сломал правую руку, в другой раз – левую. В третий раз я отделался ушибами. Джори никогда ничего не ломал.

Неудивительно, что мама запрещала нам с Джори ходить в тот старый огромный дом по соседству, где было множество лестниц, потому что она знала, что рано или поздно я упаду с какой-нибудь лестницы и переломаю кости.

– Жалко, что у тебя совсем нет координации, – пробормотал Джори. Он вдруг вскочил и заорал: – Барт, не убегай, как девчонка! Нажми на ноги, используй их, как батут. Вложи в них всю силу и прыгай! Забудь о том, что можешь упасть! Ты не упадешь, если не будешь думать об этом. Если ты поймаешь меня, я отдам тебе свой скоростной мяч!

Господи, ничего в этом мире я не желал больше, чем тот чудесный мяч! Джори умел здорово бросать его. Когда мы расставляли жестянки в ряд на стене и пуляли в них мячами, он умудрялся сбивать одним ударом несколько. Я никогда не мог сбить ни одной, но зато я здорово сбивал людей и разбивал стекла, которых даже не видел до того.

– Плевать мне на твой мяч! – рявкнул я, хотя мне очень хотелось его заполучить.

Мяч Джори был гораздо лучше, чем мой; ему всегда доставалось все лучшее.

Джори с сочувствием посмотрел на меня. Ненавижу, когда меня жалеют!

– Хорошо, я отдам его тебе, даже если ты не выиграешь и не прыгнешь; а ты отдашь мне свой. Поверь, я не собираюсь издеваться над тобой. Я просто хочу, чтобы ты перестал бояться, что все сделаешь не так.

Он улыбнулся своей чарующей белозубой улыбкой. Его улыбку все находили очаровательной, особенно мама. Мое лицо всегда было мрачным.

– Не желаю я твоего мяча, – повторил я.

И я на самом деле не желал, чтобы меня унизили в очередной раз, да еще кто-то красивый, грациозный, взрослый, вышедший из семьи потомственных русских балетных танцоров, которые, в свою очередь, всегда женились на балеринах.

Но что такого, скажите на милость, в этих танцорах? Что такого великого? Ничего, ровным счетом ничего! Просто Бог пожелал почему-то сделать ноги Джори красивыми и стройными; а мои – неловкими шишковатыми палками, которые к тому же всегда в ссадинах.

– Ты ненавидишь меня! Ты хочешь, чтобы я умер, признайся!

Он посмотрел на меня непонимающим долгим взглядом:

– Да не хочу я, чтобы ты умер! И ничуть я тебя не ненавижу... Я люблю тебя, как своего брата, даже если ты скандалист и не слишком ловкий мальчик.

– Ну спасибо, век не забуду.

– Хватит об этом. Пойдем лучше посмотрим, что там в доме.

Каждый день после школы мы с Джори приходили к высокой белой стене, отделяющей наш сад от соседнего, сидели на ней или перебирались через нее и шли в дом. Скоро занятия в школе закончатся, и мы целыми днями будем играть. Было так приятно знать, что этот пустой дом целый день дожидается нас! Станный пустой дом с множеством комнат, с извилистыми коридорами, с сундуками, полными сокровищ, с высокими потолками, комнатами странной формы; временами позади одной комнаты скрывалась целая череда других.

На красивых старинных канделябрах жили пауки, кругом шныряли мокрицы, оставляли свои следы сотни мышей. Иногда в дымоходы залетали птицы и бешено хлопали крыльями, пытаясь выбраться обратно. Иногда они влетали в комнаты, бились о стекла, и мы находили их мертвые жалкие тела. А иногда нам удавалось кого-нибудь спасти, раскрыв настежь окно.

Джори предполагал, что кто-то по срочной причине покинул этот дом. Половина мебели была здесь забыта, и на нее оседала пыль, отчего у Джори иногда начинал морщиться нос. Я вдыхал в себя запахи пыли, старости, сырости и думал о том, что они мне говорили. Я мог долго неподвижно стоять и слышать голоса призраков, а если мы с Джори садились на пыльную потрепанную кушетку и сидели тихо, то с потолка начинали доноситься какие-то шорохи, будто призраки спешили нашептывать нам свои секреты.

«Никогда не рассказывай, что ты разговариваешь с призраками, – предупреждал меня Джори, – а то подумают, что ты ненормальный».

У нас есть одна ненормальная в семье – это мать нашего папы, но она уже давно живет в дурдоме далеко отсюда, в Виргинии. Однажды летом мы поехали навещать ее и старые вонючие могилы. Мама тогда не пошла внутрь кирпичного здания, вокруг которого по зеленым лужайкам прогуливались хорошо одетые люди. Никто бы и не подумал, что они – психи, если бы рядом с ними не стояли санитары в белых халатах.

Папа навещает ее каждое лето. И мама всегда спрашивает: «Ну что, ей лучше?», а папа становится грустным и отвечает: «Нет, особого улучшения нет, но если бы ты простила ее...»

И это всегда выводит маму из себя. Похоже, она хочет, чтобы старуха осталась в дурдоме навсегда.

«Послушай-ка, Кристофер, – однажды выпалила, разозлившись, мама, – помни: она должна ползать перед нами на коленях и просить у нас прощения! Иначе быть не может – и не будет!»

Прошлым летом мы не поехали никого навещать. Я ненавидел вонючие могилы, старую мадам Маришу с ее черными жирными волосами, ненавидел, как она всегда делала пучок и в нем черные волосы перемежались с белыми; мне дела нет до того, если две старые

дамы с востока так и не дождутся нашего очередного визита. А что касается тех, кто лежит в могилах, – ха! Пусть себе остаются со своими цветами или без цветов, им ведь все равно! Слишком много мертвяков в нашей жизни, это ни к чему.

– Пошли, Барт! – позвал Джори.

Он уже влез на дерево с нашей стороны сада. Я с трудом влез следом и уселся рядом.

– Знаешь что? – задумчиво сказал мне Джори. – Когда-нибудь я куплю маме такой же большой дом. Я слышал, как они с папой говорили о больших домах, и подумал, что ей хочется дом побольше нашего.

– Они всегда говорят о больших домах.

– А мне нравится наш дом, – сказал Джори, пока я барабанил пятками о стену.

Однажды я слышал, как мама сказала, что кирпичи, проступающие из-под краски, «обнаруживают интересную текстуру». Я делал все, что от меня зависело, чтобы текстура была еще интереснее.

Но было в том огромном доме что-то глупое и несовместимое: погребка без содержимого, трубы и раковины без воды, поржавевшие ванны, облупившаяся краска...

– А здорово будет, если сюда въедет какая-нибудь большая семья, а? – сказал Джори.

Ему, как и мне, хотелось, чтобы вокруг было много друзей и товарищей по играм. У нас с ним были только он да я.

– Вот здорово, если бы у них было двое мальчиков и две девочки! – продолжал мечтать Джори. – Чудесно, если по соседству живут девочки.

Чудесно, конечно. Для Джори. Наверняка он мечтает, чтобы сюда переехала Мелоди Ришарм. Тогда бы уж он целовал и обнимал ее каждый день. Я только один раз видел их за этим. Девочки! Противно.

– Ненавижу девчонок! Хочу, чтобы все были мальчиками! – закричал я.

Джори засмеялся и сказал, что это все оттого, что мне только девять, но потом я сдружусь с девчонками еще больше, чем с мальчишками.

Только я хотел сказать ему, что он – кретин, как увидел, что к дому движутся два грузовика. Вот это да! Никогда здесь никого не видел.

Мы сидели на стене и наблюдали, как рабочие разгружают машины и суетятся, бегая туда-сюда. Кто-то из рабочих забрался на крышу и проверял там что-то. Другие пошли в дом с лестницами и ведрами, будто собирались там красить. У некоторых были огромные свертки обоев. Оглядывали даже деревья и кустарники.

– Слушай! – сказал Джори, неожиданно огорченный. – Кто-то, видно, купил этот дом. Клянусь, они въедут туда, после того как покрасят и отремонтируют все.

Не надо нам никаких соседей, которые потревожат мамин и папин покой. Они так часто говорили: как хорошо, что здесь нет соседей, которые бы тревожили наш покой.

Мы смотрели, пока не начало темнеть, а потом пошли в дом и договорились ни слова не рассказывать родителям. Потому что примета такая: только выскажешь предположение вслух, как оно и сбудется. Мысли не в счет.

Следующий день был воскресенье, и мы поехали на пикник на Стинсон-Бич. Но в понедельник после школы мы с Джори вновь сидели на стене и наблюдали. Было холодно и туманно. Где мы теперь станем играть?

– Эй, ребята! – позвал толстый дядька снизу. – Что вы там делаете?

– Ничего! – крикнул Джори.

Я вообще никогда не разговаривал с незнакомыми. Джори за это надо мной издевался.

– Как это ничего, если вы торчите на стене? Не валяйте дурака, это частное владение, и вам тут нечего глядеть! Иначе получите!

Он был злой дядька и кошмарный на вид: вся одежда у него была грязная и рваная. Когда он подошел к нам, я увидел, какие огромные и грязные у него ботинки. Слава богу, стена была три метра высотой, достать он нас не мог.

– Мы просто иногда играем здесь, – сказал Джори, который никого не боялся. – Но мы ничего не трогаем. Все здесь, как было.

– А теперь сматывайтесь отсюда! И чтоб ноги вашей здесь не было! Этот дом купила одна богатая дама, и она не желает, чтобы на ее заборах висели дети. И не думайте, что сможете забраться сюда без спроса: она старуха, но у нее много слуг.

Слуг! Ничего себе!

– Богатые люди имеют право жить по своему разумению, – добавил он. – Так, как им вздумается... Бог – это деньги, вот что я скажу.

У нас была одна прислуга – Эмма, значит мы не богатые. Джори говорил, Эмма для нас как добрая тетя: не родственница и не прислуга. Для меня Эмма была чем-то обыденным, ее я видел, сколько помнил себя, и я знал, что меня она любит меньше, чем Джори. Я ее тоже не любил.

Прошло несколько недель. Занятия в школе закончились. А рабочие все еще отделяли соседнее владение. Мама и папа уже, конечно, заметили перемены, и нельзя сказать, чтобы они были счастливы. Мы с Джори оба недоумевали, отчего у нас в доме никогда не бывает гостей, но мама с папой не хотели этого.

– Это все из-за того, что они до сих пор влюблены друг в друга, – шептал мне Джори. – Вспомни: Крис – третий муж у нашей мамы, и ее цветение еще не закончилось.

– Какое такое цветение? – удивился я. – Не вижу никаких цветов.

Джори с почестями перешел в первую ступень высшей школы. Я еле-еле переполз в пятый класс. Я ненавидел школу. Ненавидел и всю эту суету, эти перемены вокруг соседнего особняка. С него слетела вся таинственность. А как интересно нам с Джори там было!

– Мы переждем, а потом как-нибудь прокрадемся посмотреть на эту старуху, – прошептал мне Джори, чтобы не услышали садовники, окапывающие деревья и стригущие кустарник.

Она стала владелицей огромного куска земли, эта старуха. Значит, понадобится еще много работы и много рабочих. Весь двор был усеян мусором: обрывками бумаги, гвоздями, остатками пиломатериалов после ремонта и прочим хламом, нанесенным сквозь железную решетку перед подъездной дорожкой, проходившей поблизости от того, что Джори называл «тропинкой любовников».

Тот самый отвратительный толстый дядька шел к нам, по пути подбирая пустые пивные банки. Он хмурился, будто мы делали что-то плохое.

– Сколько раз говорить вам, парни? – заревел он. – Не заставляйте меня повторять, а то будет плохо!

И он сжал огромные кулаки.

Джори сидел как ни в чем не бывало, не желая слушаться.

– Вы что, глухие? – снова взревел дядька.

Лицо Джори вспыхнуло и сделалось из красивого злым.

– Мы не глухие! Мы живем здесь. Эта стена на нашей территории так же, как и на ее. Так наш отец сказал. И мы имеем право сидеть здесь столько, сколько нам захочется. Поэтому не смейте кричать на нас!

– Ну ты и заноза, парень! – бросил дядька, уходя.

Он даже не взглянул на меня, а ведь я был такой же занозой, только все это таилось внутри меня.

Первое знакомство

Было время завтрака. Мама что-то рассказывала папе об одной из своих учениц. Барт, по обыкновению надутый, сидел напротив меня, ковыряя свою застывшую запеканку. Он не любил ничего, кроме чипсов и булочек, но папа говорил, что это для него вредно.

– Крис, я думаю, что Николь не выкарабкается, – проговорила мама, нахмурилась. – Как ужасно, что машины сбивают столько людей, а ведь у Николь маленькая девочка, ей только два года. Я видела ее как-то раз. Она мне напомнила Кэрри, когда той было два года.

Папа кивнул, читая утреннюю газету. Та сцена, произошедшая в моем тайном присутствии на чердаке, все время не давала мне покоя. Я часто думал об этом по ночам. Временами я сидел и думал о том, что запрятано в темных уголках моего подсознания. Наверное, что-то важное, но что – я не мог вспомнить.

Даже теперь, когда мама говорила о несчастье, произошедшем с Николь, и о ее дочери, я все думал и думал об этой сцене. Что означали их недомолвки? Кто та бабушка, которой они боялись? И откуда они могли знать друг друга в детстве?

– Крис, – настойчиво сказала мама, – ты меня не слушаешь. У Николь нет родных – никого, ты понимаешь? Нет даже дяди либо тети, чтобы они взяли опеку над девочкой, если мать погибнет. Ты же знаешь, с тем парнем они жили в гражданском браке.

– Хм, – промычал папа, откусывая от пирога. – Не забудь полить сегодня в саду.

Мама нахмурилась еще больше. Папа не был внимательным слушателем.

– Я думаю, было большой ошибкой продать дом Пола и переехать сюда. Его статуи кажутся здесь не к месту.

Это наконец привлекло его внимание.

– Кэти, мы же поклялись друг другу никогда ни о чем не сожалеть. И потом, в жизни есть более важные вещи, чем тропический девственный сад.

– Девственный? Да у Пола был самый ухоженный сад, какой я когда-либо видела!

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Она на минуту замолчала, а потом снова заговорила о Николь и ее двухлетней девочке. Если Николь умрет, девочку отдадут в приют, сказала мама. Папа ответил, что он-то спокоен за судьбу девочки: кое-кто сразу же удочерит ее, если такое случится. Он встал и надел свою спортивную куртку.

– Перестань думать о худшем. Может быть, Николь выздоровеет. Она молода, сильна, очень здорова. Если ты так озабочена, я еду и переговорю с ее врачами.

– Папа, – вмешался вдруг Барт, молча сидевший до этого над запеканкой, – вы не уговорите меня ехать на восток этим летом! Я не хочу – и не поеду!

– И правильно, – сказал папа, потрепав Барта по подбородку и вздохнув его и без того взъерошенные черные волосы. – Мы не уговорим тебя, и мы не уговариваем. Я надеюсь, ты не останешься дома один, когда мы все поедем.

Папа наклонился, чтобы поцеловать маму на прощание.

– Будь осторожен на дороге.

Мама говорила ему это каждый день, провожая на работу. Он улыбнулся и пообещал, их глаза встретились и сказали что-то друг другу. Я надеялся, что понимаю их язык.

– В ботинке на опушке жила-была старушка, – продекламировал Барт. – С оравую детей, что ж делать с ними ей?

– Барт, что ты там наделал в своей тарелке? Если ты наелся, попроси разрешения выйти из-за стола.

– Питер-Питер тыквояд! Взял жену, а дома нет! Тыкву съел – осталась корка! Вот и женушке каморка! – усмехнулся Барт, встал и вышел (это был его способ просить разрешения).

С ума сойти: ему почти десять, а он все еще распевает детские стишки. Он подхватил на ходу свой любимый свитер, перебросил его через плечо и при этом опрокинул пакет с молоком. Молоко растеклось по полу, и его тут же подлизал Клевер. Но мама была настолько опечалена судьбой Николь и девочки, что даже не заметила это.

Эмма, наоборот, сразу же заметила и метнула недобрый взгляд на Барта, подтирая остатки с пола, но Барт в ответ высунул язык и выскочил на улицу.

– Мама, извини, – проговорил я, тоже выскакивая следом.

Снова мы сидели и наблюдали с высоты стены, что там делается в соседнем дворе. Обоим нам не терпелось, чтобы старая дама поскорее въехала: кто знает, вдруг у нее есть внуки.

– Я уже скучаю по этому старому дому, – пожаловался мне Барт. – Ненавижу тех, кто нам помешал.

Мы оба провели день, занимаясь прополкой и посевом новых растений, но вскоре я задумался над тем, как досадно, что мы больше не сможем пойти в соседний дом, а целое лето еще впереди!

За обедом Барт был больше прежнего рассеян и мрачен, потому что думал об этом же. Перед ним уже несколько минут стояла полная тарелка.

– Ешь как следует, Барт, иначе ты не наберешься сил, чтобы поехать в Диснейленд.

У Барта отвисла челюсть.

– В Диснейленд? – В его темных глазах наконец мелькнул восторг. – Мы в самом деле туда поедем? И не поедем к могилам?

– Диснейленд – это часть подарка тебе на день рождения, – пояснил папа. – Мы здесь все вместе отпразднуем день рождения, а потом полетим в Южную Каролину. Подожди жаловаться. Нужно уметь уважать желания других так же, как и свои собственные. Бабушка Джори рада видеть своего внука хотя бы раз в году, а коли уж мы пропустили прошлый год, значит она ждет не дождется. Потом, моя мать тоже ждет, когда я навещу ее.

Я взглянул на маму. Казалось, она уже закипает. И так каждый раз, когда речь заходит о «его» матери. Жаль, что она не понимает его чувств, а ведь она так долго была сиротой сама. Может быть, забыла.

– Я бы лучше захотел в Диснейленд, чем в рай! – провозгласил Барт. – Мне кажется, я никогда, никогда не нагляжусь на Диснейленд.

– Я знаю, – сухо сказал папа.

Но душа Барта недолго была ублажена, и он снова начал жаловаться, как ему не хочется ехать на восток.

– Мама, папа, я не поеду! Две недели навещать старых бабушек и старые могилы – это слишком долго!

– Барт, – резко сказала мама. – Недопустимо выказывать такое неуважение к усопшим. Твой собственный отец – один из тех, чьи могилы ты так не желаешь посетить. Твоя тетя Кэрри лежит там тоже. Тебе придется поехать с нами и на кладбище, и к мадам Марише, хочешь ты этого или нет. А если ты еще раз откроешь рот, я отменю Диснейленд!

– Мама, – постарался переменить тему Барт, – отчего это твой папа, который умер в Пан...

– Барт, Пенсильвания, а не «Пан».

– ...в Пенсильвании, – отчего его фотография так похожа на нашего папу?

В глазах ее вспыхнула боль. Я заговорил, желая смягчить раздражение, которое Барт вызывал у всех без исключения:

– Слушай, мама, ведь Доллангенджер – это какая-то насмешка, а не фамилия. Бьюсь об заклад, ты была рада, когда от нее избавилась.

Она взглянула на фотографию доктора Пола Шеффилда и тихо сказала:

– Да, когда я стала миссис Шеффилд, это был счастливый день.

Теперь отчего-то огорчился папа. Я уселся поглубже в кресло. Все вокруг них, казалось, напоминало им о прошлом, которого я не знал: тени в углах, сам воздух... Мне уже четырнадцать, а я все еще ничего не знаю о жизни.

И о своих родителях тоже.

* * *

Наконец пришел день, когда отделка особняка закончилась. Тогда в старый дом пришли женщины-уборщицы, которые отскребли полы и вымыли стекла в окнах. Рабочие суетились, собирая инструмент, так что мы воспользовались суестью, чтобы спуститься с дерева и подглядеть в окна, а потом опять быстро побежали обратно, чтобы нас не увидели. Мы чинно уселись на стене, будто пай-мальчики.

– Значит, она приезжает! – в возбуждении шептал Барт. – Она может приехать в любой момент, эта старая дама!

Дом был так великолепно отделан и обставлен, что мы ожидали увидеть кого угодно, но только страшно важную персону: кинозвезду, жену президента...

Однажды, когда папа уехал на работу, мама – за покупками, а Эмма, как всегда, была занята на кухне, мы увидели огромный черный лимузин, который свернул на дорожку к соседнему владению. Более старая, но тоже шикарная машина следовала за ним. Двумя неделями раньше дорожка была разровнена и залита асфальтом, поэтому теперь она казалась гладкой и блестяще-черной. Я сделал знак Барту, чтоб он попридержал свои восторги. Мы устроились славно: разросшаяся листва образовывала вокруг нас занавес, за которым нас не было видно, а мы видели все.

Медленно-медленно шофер подрулил к дому. Потом вышел и открыл дверцу, чтобы высадить пассажиров. Мы наблюдали, затаив дыхание. Наконец-то мы ее увидим, эту богатую даму, такую богатую, что она может позволить себе все!

Шофер был молод, и выражение лица его было приятно-веселое. Даже издали было видно, что он красивый малый, но человек, который вышел из лимузина, был стар и вовсе не красив. Он удивил меня своим видом. Нам же четко сказали: она одна, и у нее много слуг.

– Смотри, – прошептал я Барту, – наверное, это ее дворецкий. Но я никогда не думал, что дворецкие ездят в той же машине, что и хозяйева.

– Ненавижу их за то, что они въехали в наш дом!

Худой старый дворецкий протянул руку, чтобы помочь выйти старой даме. Но она игнорировала его и оперлась о руку шофера. Бог мой! Она вся была одета в черное и вся была закутана, как арабская женщина. Даже лицо ее и волосы покрывала черная вуаль. Может, она вдова? Или мусульманка? Выглядела она очень таинственно.

– Ненавижу черные длинные платья. Ненавижу старух, которые закрывают лицо вуалью. Ненавижу все эти тайны, – бормотал Барт.

Заинтригованный, я наблюдал, как женщина движется к дверям дома, и движется достаточно грациозно для старухи. Даже отсюда видно было ее неприкрыто-пренебрежительное отношение к дворецкому. Это интересно!

Она не спешила и внимательно все оглядывала. Надолго задержала свой взгляд на белой стене, на нашем доме. Я знал, что, кроме крыши, там вряд ли что-то было видно. Много раз прежде я стоял на том месте и не видел ничего, кроме крыши и трубы. Наши

комнаты могли быть видны только с ее второго этажа. Я бы посоветовал маме посадить побольше высоких деревьев вдоль стены.

Только тогда мне пришел в голову вопрос: для чего это двое рабочих недавно спилили несколько больших эвкалиптов, росших на «нашей» стороне? Может быть, она хотела подглядывать за нами? Но, скорее всего, ей просто не хотелось, чтобы деревья загораживали свет.

Подъехала и вторая машина. Из нее вышла девушка в черной униформе с белым передником и шапочкой. За ней вышли двое слуг в сером. Они потащили в дом коробки, ящики, чемоданы, а дама в черном все стояла и глядела на нашу трубу. Что она там видела?

Подъехал желтый длинный фургон, и оттуда начали выгружать элегантную мебель, но дама не принимала в этом никакого участия, предоставив слугам решать, что куда поставить. Когда наконец одна из девушек начала одолевать ее вопросами, она повернулась и скрылась внутри особняка. Все слуги исчезли вместе с ней.

– Барт, гляди, какая шикарная софа! Ты когда-нибудь видел что-то подобное?

Но Барт уже потерял интерес и к даме, и к мебели; он пристально смотрел на черно-желтую гусеницу, ползущую по ветке недалеко от его грязных сандалий. Кругом головокруглительно пахло сосной и эвкалиптом, белые пухлые облака плыли по синему небу, птицы пели на все голоса. А Барт смотрел и смотрел только на эту безобразную гусеницу – будто только это и достойно внимания в целом мире!

– Ненавижу этого уroda с рогом на голове, – пробормотал Барт. Я знал его страсть: поглядеть, что там внутри. – У нее под всей этой разноцветной шерстью такая зеленая жидкая дрянь... Маленький гадкий дракон, уйди с моего пути! Попробуй только подползти поближе... убью!

– Прекрати говорить чушь, Барт; взгляни лучше, какой они заносят стол! Смотри, а этот стул, наверное, из какого-нибудь европейского замка!

– Ой, эта безобразная гусеница... она ползет ко мне!

– Знаешь что? Я думаю, что эта дама, которая въехала сюда, очень хорошая. Тот, у кого такой вкус, не может быть злым человеком.

– Только попробуй... подползи... я тебя убью! – Барт разговаривал с гусеницей.

Солнце между тем село, небо стало розовым, и широкие фиолетовые полосы протянулись по всему небу, делая этот ранний вечер еще более прекрасным.

– Барт, взгляни на закат! Ты видел более красивый? Для меня краски – это как музыка. Я слышу, как они поют. Я думаю, если бы Бог лишил меня прямо сейчас зрения и слуха, я бы все равно продолжал слышать музыку красок... Я бы танцевал и во тьме, не зная даже, что свет померк.

– Глупости говоришь, – пробормотал Барт, занося сандалету над несчастным пушистым червяком. – Слепота – это когда черно, как в яме. Никаких красок, никакой музыки. Ничего. Тишина – это смерть.

– Ты хотел сказать – глухота?

Но Барт в тот самый момент ударил по гусенице сандалетом. Потом спрыгнул на землю и начал размазывать то, что осталось от гусеницы, по зеленой траве, принадлежавшей старой даме.

– Барт Уинслоу, ты поступил неправильно и жестоко! Ведь гусеницы – это только промежуточная стадия до бабочки, называется метаморфоз. А из той, что ты сейчас убил, получилась бы красивейшая бабочка. Так что убил ты не дракона, а прекрасную принцессу или принца. Заколдованных эльфов, любовников цветов...

– Все это глупые балетные выдумки! – отрезал Барт, хотя, судя по виду, слегка сожалел о своем поступке. – Я могу исправить это. Я поймаю гусеницу, подожду, пока из нее получится бабочка, и отпущу.

– Да я шучу, Барт! Но давай договоримся, что с этой минуты ты не станешь убивать никаких насекомых, кроме тех, что вредят розам.

– А если я найду кого-нибудь на розах, я могу их всех убить?

Меня всегда удивляла его страсть убивать. Однажды я видел, как Барт оторвал у паука по очереди все ножки, а потом раздавил его между большим и указательным пальцем. Черная кровь, вытекшая из гусеницы, привлекла его внимание.

– А насекомые чувствуют боль? – спросил он.

– Чувствуют. Но пусть тебя это не волнует. Рано или поздно ты тоже почувствуешь боль. Так что не плачь. Это ведь просто червяк, а не всамделишный принц или принцесса. Пойдем-ка домой.

Мне было его жаль, потому что я знал, как Барт переживает тот факт, что он не чувствует боли так остро, как все. Хотя бог знает, отчего он переживает.

– Нет! Не хочу домой! Пойдем посмотрим, что там делается внутри особняка!

Но тут Эмма позвонила в колокольчик, призывая всех на обед, и мы побежали домой.

* * *

На следующий день мы опять сидели на стене. Рабочие уехали еще вчера. Больше никаких грузовиков видно не было. Я все утро провел в балетной школе, а Барт оставался дома один. Летние дни – длинные... Встречая меня, он счастливо улыбался.

– Готов? – спросил я.

– Готов!

Мы с ним разработали план действий, и Барт искрился нетерпением.

Мы тихо перелезли через стену и по дереву спустились на другую сторону. Это была запретная для нас зона, но мы-то считали ее своей, потому что первыми ее открыли. Мы скользили, как две тени. Барт с удивлением и испугом разглядывал деревья, которые были подстрижены в форме животных. Как очаровательно! Гордый петух рядом с курицей, сидящей на гнезде. Красиво! Кто бы мог подумать, что тот старый мексиканец с садовыми ножницами сделает такую прелесть?

– Мне не нравятся кусты, которые как звери, – пожаловался Барт. – Не люблю, когда глаза зеленые. Зеленые – значит злые. Джори, они глядят на нас!

– Ш-ш-ш, говори шепотом! Смотри, куда ставишь ноги. Ступай мне след в след.

Я обернулся через плечо и увидел, что небо стало цвета крови. Скоро выплывет луна, настанет ночь.

– Джори, – потянул меня сзади за рубашку Барт, – мама велела нам вернуться домой до темноты...

– Но еще не темно.

Однако кремовый цвет особняка, такой приятный при солнечном свете, в темноте был зловеще-белым и пугал меня тоже.

– Не нравится мне, когда старые дома красят, как новые.

Барт со своими неожиданными идеями был верен себе.

Он снова начал канючить, что пора домой. Я одернул его. Раз уж мы решили, надо довести дело до конца. Я приложил палец к губам, прошептал: «Стой на месте» – и подкрался к единственному ярко освещенному окну.

Вместо того чтобы сделать, как я сказал, Барт последовал за мной. Я вновь оставил его на месте и взобрался по маленькому, но достаточно крепкому дереву, чтобы подсмотреть, что там внутри. Сначала я не видел ничего, кроме огромной комнаты, которая вся была уставлена нераспакованными вещами. Обзор загораживала толстая и низко нависающая люстра. Приглядевшись, я увидел фигуру в черном, сидящую в деревянном кресле-качалке, которое

на вид казалось очень неудобным и дисгармонировало с прекрасной, комфортной мебелью, привезенной в фургоне. Та ли это женщина – хозяйка дома?

Я знал, что арабские мужчины носят длинные платья, поэтому усомнился: может быть, это тот худой дворецкий? Но, увидев тонкую белую руку с множеством колец, я уже больше не сомневался: это она. Пытаясь поудобнее усесться на ветке, я повернулся – и ветка хрустнула. Женщина подняла голову и посмотрела за окно. Глаза ее были широко, испуганно открыты. Я успокаивал себя тем, что из ярко освещенной комнаты не может быть видно происходящее в темноте снаружи. Но дыхание мое прервалось, а сердце бешено забилося. Комары начинали жалить меня. А внизу Барт начинал терять терпение, трясая дерево, и без того ненадежное. Я пытался одновременно удержаться на ветке и дать Барту сигнал, чтобы он перестал. К моему счастью, в комнату вошла горничная с подносом, уставленным множеством блюд.

– Эй, побыстрее! – шипел Барт. – Я хочу домой!

Чего это он так перепугался? Ведь это я мог упасть с дерева. Раздался звон посуды и серебряных приборов. Горничная перекладывала их с подноса на стол. Только когда горничная вышла, женщина сняла с лица вуаль.

В полном одиночестве она принялась за еду. И тут снова послышался хруст моей ветки. Женщина повернула ко мне голову. Теперь я хорошо видел ее лицо. Глубокие рубцы на ее щеках приковали к себе мое внимание. Ее что, поцарапал кот? Мне внезапно стало ее жаль. Было что-то несправедливое в том, что она, такая богатая, ведет замкнутую, одинокую жизнь. Несправедливым казалось и то, как жестоко время украло ее былую красоту, следы которой еще хранило ее лицо. Я подумал, что когда-то она была так же красива, как моя мама.

– Джори?..

– Ш-ш-ш...

Она продолжала вглядываться во тьму за окном, а потом быстро опустила вуаль.

– Кто там? – отрывисто спросила она. – Уходите, кто бы вы ни были! Если не уйдете, я вызову полицию!

Полиции я не желал. Я быстро спрыгнул на землю, схватил Барта за руку и потащил прочь. Он споткнулся и, как всегда, упал, задерживая меня. Я рывком поднял его на ноги и побежал вперед, зная, что из страха остаться одному Барт побежит быстрее.

– Джори! – кричал он, задыхаясь. – Не беги так быстро! Что ты там увидел? Расскажи мне, расскажи: там было привидение?

Хуже, чем привидение; я понял, что и моя мать через какие-нибудь тридцать лет будет так выглядеть. Если, конечно, дни ее продлятся так долго...

* * *

– Где это вы были? – потребовала ответа мама, загораживая нам путь.

Мы собирались незаметно проникнуть в ванную и помыться, прежде чем появляться в таком растрепанном виде.

– Гуляли в саду, – соврал я, чувствуя вину.

Она заметила это и стала еще более подозрительной.

– А на самом деле?

– Ну, так... ходили далеко.

– Джори, ты стал таким же лгуном, как Барт?

Я порывисто обнял ее и прижался к ее мягкой груди. Я понимал, что мне уже не по возрасту поступать так, но слишком велика была моя потребность в тот момент увериться в своей безопасности и домашнем уюте.

– Джори, милый, что случилось?

Ничего не случилось. Я даже не мог понять, что меня так расстроило. Я и раньше видел старых людей, например, мою бабушку Маришу, но она для меня всегда была старой.

В ту ночь мама явилась мне во сне, и была она светлым ангелом, спасшим человечество от старения. Я видел во сне двухсотлетних старух, которые выглядели такими же красивыми и юными, как и в свои двадцать. Все были молоды, все, кроме одной старой женщины, которая все качалась и качалась в своем кресле, одетая во все черное...

Ближе к утру ко мне прибежал Барт и залез в мою постель. Мы вместе с ним наблюдали, как наплывает туман и скрывает из глаз деревья, траву, все признаки жизни и мир за окном становится мертвым.

Барт бормотал про себя:

– Земля полна мертвых людей. Мертвых животных и растений. И все это превращается в то, что папа называет гумусом.

Смерть. Мой младший брат был одержим мыслью о смерти. Я всегда жалел его. Я чувствовал, как он в страхе прижимается ко мне, и мы оба смотрели на туман, ставший теперь частью нашей повседневной жизни.

– Джори, никому я не нравлюсь, – пожаловался он вдруг.

– Ты неправ. Наши родители тебя любят.

– Нет. Тебя они любят больше.

– Это тебе кажется, потому что ты их мало любишь, и это заметно.

– А почему ты всех любишь?

– Вовсе не всех. Но я могу изобразить на лице улыбку и сделать вид, что мне все нравится, даже если это не так. Ах, Барт, лучше бы и ты научился делать приятное лицо, хотя бы иногда.

– Вот еще!

Он тревожил меня. Как тревожили меня те кровати на чердаке. Как то неуловимо странное, что происходило иногда между родителями и напоминало мне о том, что существует какая-то тайна.

Но я закрыл глаза и решил думать, что все происходит к лучшему.

Пошла охота

Они глядели на меня, но не видели. Они не знали, кто я. Для них я был просто мальчиком, который садился к столу и которого надо было накормить. Мои мысли были во всех моих поступках, но они не потрудились прочитать их. Они не интересовались мной. Я продолжал ходить в соседний дом, куда меня пригласили однажды. И уж когда я был там, я старался произносить слова только правильно – для той старой дамы.

Буду ходить туда один и ничего не расскажу Джори. Джори не нужны новые знакомства. Для него хватит его балетной школы, где все красивые девочки увиваются за ним. Ну что же. А еще у него есть Мелоди – этого больше чем достаточно. А у меня – у меня нет никого... кроме родителей, которые совсем меня не понимают. Как только меня отпустили из-за стола, я быстро убежал в сад, чтобы Джори не успел доест свой завтрак из оладий, политых сахарным сиропом, и догнать меня. Поросяенок, вот он кто... обжора, свинья!

День был жаркий. Солнце ярко светило. Чересчур ярко. Длинные тени на земле. Стена была такая высокая – проклятая стена! Будто она знала, что я к ней приближаюсь и что я неуклюжий, а «они» не хотят, чтобы я ходил сюда, вот и устраивают мне трудности...

Двор был широк безобразно, и мои короткие ноги притомились, пока дошли. Как было бы хорошо, если бы у меня были такие же длинные и красивые ноги, как у Джори! Всегда я падал, всегда расшибался, но не чувствовал никакой боли. Папа был удивлен, когда впервые это понял.

– Барт, – сказал он тогда, – твои нервные окончания, видимо, не достигают кожи, поэтому ты должен быть вдвойне осторожен, чтобы случайно не подцепить инфекцию. Ты можешь серьезно пораниться и даже не заметить. Всегда промывай свои раны водой с мылом, а потом обязательно предупреди маму или меня, чтобы мы сделали дезинфекцию. Потому что, если помоешь водой с мылом, убьешь всех микробов.

Интересно, куда они деваются: на небо, в рай, или вниз, в ад? И как они выглядят? Как монстры, сказал мне Джори, страшные, кошмарные монстры. Миллиард микробов уместится на кончике иглы. Вот бы мне глаза как микроскоп.

Я еще раз оглядел ее двор и прыгнул с решетки, на всякий случай закрыв глаза. Приземлился как раз в куст колючих роз. Еще раны, еще колючки, занозы – для моей коллекции. Еще больше микробов. Все равно. Я пригнулся к земле и прищурил глаза, стараясь высмотреть всех опасных диких зверей в зарослях кустов.

Опасность! Позади того куста – тигр. Я поднял винтовку и взял его на мушку. Тигр стегал себя длинным хвостом и щурил желтые глаза, потом облизнулся. Он думает, что започувствует меня на обед. Я нажал на курок. Бах! Бах! Бах! Ура! Упал замертво!

Перекинув винтовку через плечо, я продолжил путь по опасным джунглям, не обращая внимания на бело-рыжего котенка, который жалобно мяукал. «Жалобно» – это новое слово, надо его использовать. Папа дал нам с Джори список из семи слов. Это на неделю, и каждый день мы обязаны не меньше пяти раз использовать в разговоре сегодняшнее слово. Не надо мне пополнять запас слов. Я и так уже умею хорошо говорить.

В голову мне пришла мелодия. Это из того фильма, что я смотрел вечером по телевизору. Что-то о солдате, который шагает, шагает...

Шагая под эту мелодию, я красиво и небрежно нес винтовку на плече, выдвинув вперед грудь, – и дошел до двери, где громко и решительно позвонил в колокольчик.

Я так шикарно выглядел, что был уверен: старая дама будет удивлена. Что там врачи... танцоры... вот генерал при пяти звездах – это да! Ни у кого нет такого длинного имени: генерал Бартоломью Скотт Уинслоу Шеффилд. Даже Джори Янус Марке Шеффилд не так шикарно звучит. Я объявил свое государство в состоянии войны.

Думал, мне откроет тот старый скрюченный дворецкий, но открыла сама старая дама. Я видел ее несколько раз. Она держала дверь полуоткрытой, и длинный солнечный луч упал на пол.

– Барт? – прошептала она.

В голосе было и удивление, и счастье. Неужели она вправду так рада меня видеть? Да она же и не знает меня; мы просто виделись через стену.

– Как чудесно, Барт, что ты пришел! Я надеялась, что это случится...

– Отойдите, мадам! – скомандовал я. – Вы окружены моими солдатами. – Я сделал свой голос по возможности грубым. – Нет смысла сопротивляться. Предлагаю вам сдаться и поднять белый флаг. Другого выхода у вас нет.

– Ах, Барт, – глупо смеясь, проговорила она. – Так мило с твоей стороны было принять мое приглашение. Сядь рядом со мной и поговори. Расскажи мне о себе, о своей жизни. Расскажи: счастлив ли ты? А твой брат – он счастлив? Любишь ли ты своих родителей, нравится ли вам ваш дом и место, где вы поселились? Я хочу все о вас знать!

Я с громким стуком закрыл за собой дверь, как сделал бы любой настоящий генерал. Очень странно было, что ее ярко-голубые глаза смотрели на меня и улыбались, в то время как половина лица была закрыта проклятой черной вуалью. Все мои военные планы рухнули. Вуаль пугала меня и сбивала с толку.

– Мадам, – заговорил я, вновь чувствуя робость и неуверенность, – вы меня позвали вчера во дворе... вы сказали, я могу приходить, когда мне станет скучно... я убежал и пришел...

– Убежал? – спросила она странным голосом. – Тебе что, приходится убегать от родителей? Они часто наказывают тебя?

– Не-а, – отвечал я. – Да это все равно бесполезно. Мне не больно, когда меня шлепают; а если, например, оставить без ланча, так я вообще не люблю есть. – Я понизил голос: – Мама с папой сказали мне, чтобы я не досаждал богатым старым дамам, живущим в таинственных домах...

– Вот как! – со вздохом произнесла она. – А ты знаешь многих старых дам, живущих в таинственных домах?

– Нет, мэм, – смутился я и отошел к стене небольшого зала, выходящего на дорогу, чтобы видеть, кто проходит мимо.

Я прислонился к стене, достал из кармана брюк трубку и спички, чтобы закурить после тяжелого похода. Она села в деревянное кресло-качалку и наблюдала за мной. Она молча смотрела, как я пускаю в ее комнате кольца дыма, и слабо улыбалась. Глупая вуаль при дыхании колебалась на ее лице. Может, она и спит в ней?

– Барт, я часто слышу, как вы с братом играете во дворе. Иногда я даже подставляю к стене лестницу и забираюсь на нее, чтобы подсмотреть за вами, – надеюсь, это тебя не обидит?

Я не отвечал, выдувая кольца дыма ей в лицо.

– Барт, пожалуйста, скажи что-нибудь... посиди, расслабься, почувствуй себя как дома. Я хочу, чтобы мой дом был открыт для вас с Джори. Моя жизнь так одинока, мне не с кем поговорить, кроме старика-дворецкого. Его зовут Джон Эймс. Мне так приятно думать, что по соседству живет полноценная, дружная семья. А со мной ты можешь говорить о чем угодно, обо всем, правда.

Мне было не о чем говорить. Да и о чем можно говорить со взрослой женщиной?

– Не надо шпионить за мной и моим братом.

– Я не шпионила, – поспешно сказала она. – Я просто подрезала розы, которые у меня вьются по стене. И не могла не слышать ваших разговоров – ведь это не моя вина, правда?

Шпионка – вот она кто. Я зажмурился от солнца, упавшего на мое лицо, и надвинул поглубже шляпу с полями. Ненавижу солнце – всегда так хочется пить.

– Мэм, вы меня уже о многом расспросили... не надо больше.

– Барт, сядь, пожалуйста, нам скоро принесут прохладительное. Видишь мой звоночек? Я позвоню, и горничная принесет мороженое и пирожные. До ланча еще далеко, так что ты не испортишь себе аппетит.

Ну что ж, можно и остаться. Я упал в мягкое кресло и сосредоточился на ее ногах, которые едва можно было рассмотреть. Носит ли она обувь на каблуке? Красивые босоножки? Накрашены ли у нее ногти?

Дверь открылась, и вошла хорошенькая горничная-мексиканка с подносом всяких сладостей. Вот это да! Горничная улыбнулась мне, кивнула хозяйке дома и вышла. Я вежливо принял то, что мне положили на блюдце. Никогда не стану есть «полезную» пищу, она такая противная. Вот это – другое дело! Я закончил и встал, чтобы уйти.

– Благодарю вас, мэм, за ваше гостеприимство... Старый солдат не слишком привык есть такие шикарные вещи... Мой иноходец ждет меня во дворе.

– Если тебе пора, конечно иди, – с грустью сказала дама, и меня пронзила жалость к ней. Живет совсем одна, никаких внуков... – Приходи завтра, если захочешь, и приводи с собой Джори. У меня много интересного...

– Не хочу Джори!

– Почему?

– Потому что вы – моя тайна, а у меня не было тайн! У Джори есть все, что ему захочется, и делать он может, что захочет. А я только всем мешаю.

– Мне ты не мешаешь. Ты мне нравишься.

Черт, как приятно звучит! Я пристально посмотрел на нее, но не увидел ничего, кроме улыбающихся голубых глаз.

– Почему я вам нравлюсь? – с неподдельным удивлением спросил я.

– Я не просто симпатизирую тебе, Барт Уинслоу, – сказала она, очень странно глядя на меня, – я люблю тебя.

– Почему?

Я не верил своим ушам. Женщинам обычно нравился Джори, а не я.

– Когда-то у меня было двое сыновей, а теперь – ни одного, – проговорила она сдавленным голосом, печально опустив глаза. – Тогда я решила родить еще одного сына от своего второго мужа, но не могла. Поэтому я хочу, чтобы ты был для меня вместо третьего сына, которого мне не дал Бог. Я очень богата, Барт. Я могу дать тебе все, что ты захочешь.

– И мое самое-самое заветное желание? Правда?

– Да. Все, что может быть куплено за деньги.

– Разве не все покупается за деньги?

– К сожалению, не все. И я тоже когда-то думала, что все покупается, но теперь я знаю, что самые важные вещи купить нельзя. Те вещи, к которым я относилась как к само собой разумеющимся и не ценила их; ах, если бы можно было прожить жизнь сначала!.. Я бы прожила ее совсем по-другому! Я наделала столько ошибок! Но я собираюсь исправиться с твоей помощью, Барт. И если ты собираешься сделать меня своей тайной, может быть, однажды... но не будем сейчас об этом. Ты ведь придешь ко мне еще?

Она так жалобно спросила, что мне стало неловко. Я пошаркал ногами от смущения и подумал, что лучше бы улизнуть, прежде чем она попытается поцеловать меня.

– Мэм, мне надо возвращаться в лагерь. Мои люди станут гадать, убит я или ранен. Но помните, что вы в окружении и сражение вами проиграно!

– О, я знаю это, – грустно проговорила она. – Я никогда еще не выиграла ни одной игры, начатой мной. Я всегда в проигрыше, даже если мне кажется, что все козыри у меня в руках.

В точности как и я! Наша похожесть еще больше огорчила меня.

– Мадам, теперь вы ведете правильную игру, а я буду каждый день приходить к вам и наносить вам визит – могу даже два или три.

– Спасибо тебе, Барт, что подсказал мне, какими картами играть. Я буду ждать тебя.

У меня в уме уже роились сотни идей. Никогда мне не дарили того, что я хотел. На что мне их игрушки, игры, книжки и прочая ерунда! Мне страшно хотелось заполучить одну вещь... может быть, она мне поможет?..

– Как вас зовут?

– А ты приходи в другой раз, и я скажу тебе.

Я приду, я обязательно приду. Черт меня возьми, если не приду.

Я пришел домой, но там и не заметили моего отсутствия. Мама все говорила о той маленькой девочке, которую придется взять, если умрет ее мама. «Боже, не позволь ей умереть», – молча молился я.

– Джори, давай поиграем в мяч.

– Не могу. Мама берет меня в школу. А вечером я приглашен на обед в семью Мелоди, и потом мы идем в кино.

Меня никто никогда не приглашает. Иногда берут куда-нибудь родители. Нет друзей, нет у меня даже собаки. Проклятый Клевер любит только Джори, а когда я наступил ему на хвост, он завизжал как резаный. Так ведь я случайно, а он всегда вертится под ногами.

Спустя несколько дней я опять хотел уйти к старой даме.

– Куда это ты направляешься? – спросила мама, глядя на фотографию этой слюнявой девчонки, которую она собирается взять.

Как будто ей мало двух мальчиков.

– Барт, ответь мне: куда ты идешь?

– Никуда.

– Каждый раз, когда я спрашиваю, куда ты ходил и что делал, ты мне отвечаешь, что никуда и ничего. Теперь я собираюсь услышать правду.

Джори засмеялся и обнял маму:

– Мама, ты ведь должна уже изучить нашего Барта. Как только он оказывается за порогом дома, так он – везде, и он – все на свете. Нет другого такого актера, как Барт. Он – то, а через минуту он – это, и единственное, чем он никогда не бывает, – это собой.

Я силой воли вложил в свой взгляд столько власти, чтобы заставить Джори заткнуться, но он как ни в чем не бывало продолжал:

– Он предпочитает фантазии реальности, мама, вот и все.

– Ничего подобного. Просто я недоволен. Просто в реальной жизни я ничего, ничего не имею из того, что бы я хотел. А в моих играх я всегда выигрываю и получаю то, что захочу. Вот и все.

Они с мамой рассмеялись, и меня охватило бешенство. Это они виноваты, что у меня ничего не получается! Что я взбесился! Проклятие всем, кто смеет смеяться надо мной! Но нельзя ненавидеть всех... я начинаю чувствовать себя плохим человеком. А в своих играх я счастлив. Что такого случится, если я опять пойду к ней? Ничего, абсолютно ничего.

Рискуя жизнью, я пробирался через опаснейшие густые джунгли. На каждом шагу меня поджидала смерть. Я мог свалиться с дерева. Я мог упасть со стены. Я шел через дождь, снегопад и пургу, ничего не видя, замерзая и падая; снова поднимался и пробивался к ней...

Я пришел сюда в пятый раз за эти три дня. Она встречала меня, улыбаясь под вуалью; она одна любила меня так, как никто не любит... Согревающее ощущение счастья охватывало меня, когда она раскрывала руки для объятия... Я бежал к ней со всех ног, обнимал ее, я сидел у нее на коленях и позволял гладить себя, целовать и кормить. Я был нужен. Она любила меня, как родного. Сидеть у нее на коленях было удобно, спокойно, и не было ничего

страшного и ничего неловкого в том, что она целовала меня. А ее вуаль щекотала мне кожу. Сняла бы она вуаль!

Она даже выделила мне особую комнату, чтобы я держал там вещи, которые она покупала для меня. Она подарила мне два миниатюрных электропоезда с рельсами и прочими штуками; игрушечные машины, игры. И все это для меня одного, чтобы я играл у нее дома, а не у себя.

Чем больше мы виделись, тем больше я ее любил. Однажды я встретил в ее любимой комнате этого скрюченного злобного дворецкого, который переставлял ее вещи и бормотал что-то про себя о том, что дураки скоро простятся со своими деньгами. Мне не понравилось, что он хозяйничает в ее вещах. И я не люблю, когда о ком-то говорят за его спиной.

– Убирайтесь отсюда! – приказал я, сделав взрослый голос. – Скажите моей мадам, что я пришел, а повару скажите, что я сегодня хочу шоколадное мороженое и ванильное печенье, а не кофейное.

Он мрачно посмотрел на меня:

– Можешь доверять нескольким, можешь никому. Счастлив тот, кто имеет хотя бы одного друга, кому доверяет.

Что такое он говорит? Я нахмурился и попытался уйти. Мне не нравилось, как клацают его искусственные зубы, будто они не подходят ему.

– Она тебе нравится, да? – зловеще улыбаясь, спросил он, покачивая головой из стороны в сторону и сверху вниз, так что я мог бы запутаться, если бы захотел. – Когда захочешь узнать полную правду о том, кто ты ей и кто она тебе, приходи ко мне.

Тут послышались шаги старой дамы, и он поспешил из комнаты.

Я почувствовал себя виноватым и испуганным. Ведь я хорошо знал, кто я. До сих пор.

Не зная, что делать, чем заняться, я сел и скрестил ноги, как делал папа, и зажег дорожную сигару, чего папа не делал никогда. Потому что мама не любила, когда курят. Я подумал, что нет ничего плохого в том, что куришь, выдул четыре превосходных кольца дыма – и они унеслись в сторону океана. Они растают, наверное, только над Японией.

– Доброе утро, дорогой Барт. Я так рада опять тебя видеть. – Она вошла и села в свое кресло.

– Вы купили для меня пони?

Она забеспокоилась:

– Милый мой, я помню, что обещала тебе пони, – это твое заветное желание, но я не подумала тогда, как много беспокойств будет доставлять пони и мне, и тебе.

– Вы же обещали! – закричал я.

Неужели я ошибся, поверив ей? Наверное, она никогда не выполнит обещания.

– Милый мой, для пони нужно стойло; к тому же пони пахнут, и ты тоже переймешь этот запах. Когда ты будешь приходить домой, по твоему запаху Джори и родители легко догадаются, что у тебя где-то есть лошадка. Начнут расспрашивать.

Вместо ответа я разрыдался.

– Я всю жизнь мечтал о пони, – всхлипывал я. – Всю свою жизнь, и вот теперь я вырасту без пони, так и вырасту, а пони не будет...

Всхлипнув в последний раз, я повесил голову и направился к дому, чтобы никогда не возвращаться.

– Барт! – позвала она. – Есть такие красивые большие собаки – сенбернары. Они не пахнут... такая собака никогда не выдаст твоих секретов. Сенбернар такой большой, что на нем можно кататься, как на пони. Если ты будешь за ним ухаживать и чистить его, от него не будет никакого запаха...

Я медленно повернулся:

– Не бывает такой большой собаки, как пони!

– Бывает...

– Нет! Вы смеетесь надо мной! Я больше не люблю вас! Я пойду домой и больше не возвращусь, пока у меня не будет пони, которого я назову Эппл.¹

– Милый мой, ты можешь назвать своего щенка Эппл. Правда, он не станет есть яблоки, но подумай, как позавидует тебе Джори, когда у тебя будет собака больше, чем у него.

Я повернулся к двери. Ненавижу.

– Барт, ведь только очень богатые люди могут позволить себе щенка сенбернара.

Я нехотя, но будто примагниченный, вернулся к ней. Она посадила меня к себе на колени, и я вновь почувствовал себя спокойно и уютно.

– Можешь называть меня бабушкой.

– Бабушка...

Наконец-то и у меня была бабушка. Я прижался к ней и ждал, что меня назовут каким-нибудь детским ласковым прозвищем, но она просто начала укачивать меня и запела колыбельную. Я положил большой палец в рот, как я всегда делаю, чтобы заснуть. Как хорошо снова чувствовать себя маленьким, беспомощным; как приятно, когда тебя обнимают и целуют. От бабушки приятно пахло.

– Ты носишь вуаль, потому что у тебя безобразное лицо? – наконец решился спросить я, давно мучимый любопытством, зачем ей вуаль.

Вуаль была почти прозрачная, но все же не совсем.

– Да, тебе покажется, что это так, хотя когда-то я была прекрасна, как твоя мама.

– Ты знаешь мою маму?

Открылась дверь, вошла моя любимая горничная-мексиканка с подносом мороженого и горячих, с пылу с жару, шоколадных кексов.

– Съешь-ка один кекс, и вот тебе мороженого – совсем немного, но это пока, до ланча. Приходи после ланча, и мы попируем.

Потом она стала говорить, чтобы я не напихивал так много в рот, потому что это плохие манеры и это вредно для моего пищеварения.

У меня хорошие манеры, потому что мама все время меня им учит. Я вдруг обозлился. Да так, что соскочил с ее колен. Я внезапно вспомнил, что Джон Эймос обещал рассказать мне что-то про нее. Только я выскочил за дверь, как Джон Эймос оказался тут как тут, таинственно улыбающийся. Он слегка поклонился и передал мне в руки какую-то книгу в красной кожаной обложке.

– Я чувствую, что ты не уверен в себе, – сказал он, шипя, как змея. – Пришло время тебе узнать, кто ты есть. Эта дама, которая просила тебя называть ее бабушкой, и есть твоя настоящая бабушка.

Боже мой, боже мой! Я ведь не знал, что у меня есть настоящая бабушка, и она здесь! Я думал, что мои бабушки или умерли, или в сумасшедшем доме.

– Да, Барт, она твоя бабушка, и не только это; когда-то она была замужем за твоим отцом. Твоим настоящим отцом.

Я не знал, что и подумать, но одно могу сказать: я был страшно счастлив, что у меня тоже есть родная бабушка, как у Джори, – такая замечательная бабушка; и она не умерла и не в сумасшедшем доме!

– А теперь слушай меня, мальчик, и ты никогда больше не почувствуешь себя слабым и неуверенным. Читай каждый день понемногу из этой книги, и она научит тебя быть таким, как твой великий прадед, Малькольм Нил Фоксворт. Не было еще на земле такого умного человека, как твой собственный прадед – отец твоей бабушки, которая сейчас сидит в том кресле и носит на лице своем черную вуаль.

¹ Эппл (Apple) – в переводе с английского «яблоко».

– Она очень красивая под ней, – поправил я его, потому что мне не понравилось, как он говорит о ней и с каким взглядом. – Я ее не видел, но могу сказать, что она точно красивее тебя!

Он усмехнулся, но потом сменил выражение лица на более приветливое.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Но, прочтя эту книгу, которую написал твой прадед, ты поймешь, что женщинам верить нельзя – особенно красивым женщинам. Они хитры и умеют заставить мужчин плясать под их дудку. Когда станешь мужчиной, ты это поймешь сам. Она заставила этого красивого мужчину, каким был твой отец, быть своим рабом, быть своей комнатной собачкой, – она заставит и тебя!

Не хочу я быть комнатной собачкой и не буду!

– Он был ее вторым мужем, Бартоломью Уинслоу, и был на восемь лет моложе ее. Он думал, что сможет управлять ею, но вместо этого она вертела им, как хотела. Я хочу спасти тебя от нее, чтобы тебя не постигла участь твоего отца. А знаешь, что постигло его? Смерть.

Смерть. В нашей семье почему-то все умирали. Я ничему из его слов не удивился, кроме того, что все женщины такие плохие. Но я всегда подозревал, что они такие. Надо предупредить Джори.

– Если ты хочешь спасти свою вечную душу от адского огня, то прочти эту книгу и станешь сильным и властным, как твой прадед. Тогда женщины не смогут править тобой. Наоборот, ты будешь править ими.

Я взглянул в его длинное, сухое лицо, еще раз с отвращением увидев редкие усы и желтые зубы, через которые он не только шипел при разговоре, но иногда и присвистывал. Он был безобразнее самых некрасивых людей, каких я видел. Но Эмма часто говорила, что красивым человека делают поступки. Поэтому я решил попытаться почитать, о чем пишет мой прадед, хотя почерк был корявым и трудным.

Я не слишком любил читать. И редко это делал. Но, проходя мимо сарая со стойлом, в котором скоро будет стоять мой пони, я сел на душистое сено и открыл книгу, которая выглядела страшно старой. Думал я все еще о пони. Неважно, что от него будет плохо пахнуть и он принесет массу забот. Мне так хотелось пони, что болело сердце.

«Я начинаю этот дневник с самого горького дня в моей жизни: дня, когда моя любимая мать сбежала с другим мужчиной и бросила меня на произвол судьбы. Она бросила также и отца. Я хорошо помню, что я чувствовал, когда он рассказал мне, что случилось; как сильно я плакал, как отчаянно ощущал, что ее нет больше со мной. Каким одиноким я себя чувствовал! Как горько было осознавать, что никто не поцелует меня на ночь, что никто не послушает мои вечерние молитвы. Мне было в то время пять лет. А до этого я всегда знал, что я был самым важным в ее жизни. По крайней мере, она так говорила. Как же она смогла оставить меня, своего единственного сына? Что такое случилось с ней, что она обо всем позабыла?

Я был невинным и ничего не знавшим о жизни человечком. Когда же я подрос и прочитал слова Божьи, то понял, что со времен Евы женщины предавали мужчин то в одном, то в другом; и даже матери... Коррина, Коррина, как я стал ненавидеть это имя...»

Странно. Я ощутил эту странность, подняв глаза от страниц, испещренных мелким, закорючистым почерком, который временами к низу страницы становился размашистее; будто человек, писавший это, хотел использовать каждый кусочек бумажного листа.

Я так же, как Малькольм, часто мучился страхом, что моя мама уйдет, уедет, покинет меня, просто оттого, что не захочет больше быть со мной. Я останусь с отчимом, думал я,

а он не сможет любить меня так сильно, как любил бы родного сына. С Джори всегда все будет в порядке: у него есть танцы, а это все, что ему нужно в жизни.

– Нравится тебе эта книга? – раздался вдруг голос Джона Эймса.

Он прокрался в стойло и стоял надо мной, сверкая своими маленькими глазками.

– Да, это хорошая книга, – ответил я, хотя ощутил себя нехорошим оттого, что сказал неправду.

Мне было страшно в тот момент, страшно, что мама может убежать с каким-нибудь мужчиной – не врачом, потому что она часто желала, чтобы папа не был бы врачом и больше времени проводил дома.

– Тогда читай ее каждый день, – посоветовал Джон Эймс.

Может быть, он любит меня, просто у него такой зловещий вид...

– Тогда ты узнаешь все о женщинах и как держать их в узде, – продолжал он. – И не только женщин, но и всех людей. Эта маленькая красная книжка убережет тебя от многих ошибок, которые совершают мужчины. Вспомни об этом, когда тебе покажется, что книга тебе надоела. Вспомни, что воля Бога была в том, чтобы мужчина превосходил женщину, которая глупа и слаба.

Хм, я не думал, что мама глупа и слаба. Я всегда считал, что она сильная и замечательная. И что бабушка щедрая и добрая... и даже лучше, чем мама, которая вечно занята и не обращает на меня внимания.

– Малькольму люди подчинялись, Барт, его уважали и боялись. Когда ты внушаешь такое почитание другим, они смотрят на тебя, как на Бога. Но не говори ничего бабушке об этой книге. Лучше было бы, если бы ты, как прежде, изображал, что любишь ее. Никогда не позволяй женщине проникнуть в свои мысли. Держи свои честные мысли про себя.

Наверное, он прав. Если я дочитаю эту книгу до конца, я стану мудрее, чем Джори, и весь мир будет смотреть на меня с восхищением.

Я улыбался ночью во сне, крепко прижимая к сердцу дневник Малькольма. У меня в руках было великое средство, чтобы стать богатейшим человеком в мире, как Малькольм Нил Фоксворт, который жил давным-давно где-то далеко, в месте, которое называется Фоксворт-холл.

Теперь у меня двое друзей: моя бабушка в черном и Джон Эймс, который разговаривал со мной больше, чем папа когда-нибудь. Странно, что совсем чужие люди давали мне больше, чем мои собственные родители.

Сладость и горечь

Мама приняла руководство балетной школой, которая все еще носила имя ее основательницы. Она оставила это название: Школа балета Мари Дюбуа. И все студенты полагали, что мама и есть Мари Дюбуа. Позже она объяснила нам с Бартом, что это было легче и престижнее, чем переименовывать школу. Папа молча с ней соглашался.

Ее школа находилась на вершине холма Сан-Рафаэль, недалеко от больницы папы. Они часто вместе ездили на ланч или ходили вечером на балет, в кино в Сан-Франциско; там и проводили ночь, чтобы не ездить долго по темным дорогам. С нами оставалась Эмма, и мы с Бартом не возражали, разве что мне было несколько досадно видеть, какими счастливыми и сияющими они возвращались. Это наводило меня на мысль, что мы для них менее важны, чем мы сами думали.

Однажды ночью, когда я долго не мог заснуть, я тихонько отправился на кухню с единственной целью – чего-нибудь перекусить. Проходя по коридору мимо гостиной, я услышал родительские голоса. Они сердились, спорили друг с другом, хотя я почти никогда не слышал раздражения при их обычном общении.

Я не знал, как поступить: остаться или вернуться в комнату. Вспомнив о том, как я подслушивал на чердаке, я решил остаться для собственного блага и для блага Барта: выяснить все же, что за тайна нас окружает.

Мама была все в том же красивом голубом платье, в котором ездила в город.

– Я не понимаю, отчего ты так упорен! – Мама ходила туда-сюда, бросая на папу сердитые взгляды. – Ты же понимаешь положение Николь, и ты прекрасно знаешь, что она не выкарабкается. А когда Николь похоронят, власти штата будут иметь полную опеку над девочкой, и нам придется с огромными трудами разыскивать ее и удочерять. Давай что-то предпримем сейчас. Крис, пожалуйста, прими решение!

– Нет, – холодно ответил папа. – У нас есть двое детей, и этого достаточно. Найдутся другие пары, помоложе, которые удочерят Синди. Те люди, которые ничего не потеряют; если агентство по опеке начнет расследовать, кто мы...

Мама взметнула в досаде руки:

– Так это как раз то, в чем я хочу тебя убедить! Если мы удочерим Синди до того, как Николь будет погребена, агентство ничего не станет расследовать. Я сегодня же поеду и расскажу обо всем Николь. Я уверена, что она согласится и подпишет все необходимые документы.

– Кэтрин, – твердым голосом проговорил папа. – Ты не имеешь права делать все, что тебе заблагорассудится. Николь вполне может пойти на поправку, и даже если, допустим, она останется разбита параличом, ребенок ей все равно нужен.

– Но как она будет воспитывать ребенка в таком положении?

– Это не наше дело.

– Она не поправится. Ты знаешь это, и я знаю это. Теперь я могу признаться, что на самом деле уже съездила к Николь и поговорила с ней. Она хочет, чтобы я удочерила ее дочь. Она поставила подписи, а Симон Дотри, нотариус, заверил их. Так что ты ничему не сможешь помешать.

Папа был потрясен. Он закрыл лицо ладонями, а мама все говорила и говорила:

– Перестань прятать лицо, Кристофер. Посмотри правде в глаза. В ту ночь, когда родился Барт, ты ведь сказал мне, Крис, что я не стану жить с Полом... что ты отвоюешь меня; ты так умоляюще смотрел на меня! Если бы не твои умоляющие глаза, то я бы не позволила уговорить себя на стерилизацию и не подписала бы те бумаги... И я бы родила еще

одного ребенка, даже если бы это стоило мне жизни. Но ты же просил меня, и я сдалась – ради тебя, черт возьми! Ради тебя!

Рыдая, она упала на ковер и скорчилась, как от боли, царапая тонкими пальцами ворс. Ее длинные светлые волосы растрепались, образуя золотой веер. Она плакала и упрекала вслух себя и его за то, что они делают.

Что такое они делают?

Потом она перекатилась на спину и проговорила:

– Ты прав, Кристофер! Ты, как всегда, прав. Я была права лишь однажды, но этот единственный раз и мог бы спасти Кори жизнь.

Папа, глубоко расстроенный, опустилсь возле нее на колени и попытался обнять ее, но она его оттолкнула.

– И тогда ты был прав, когда отговаривал меня выходить замуж за Джулиана! Я уверена: ты внутренне торжествовал, когда наш брак оказался ужасной ошибкой. Я клянусь, что ты был рад этому. Ты был рад, что Иоланда Ланж встала на нашем пути и уничтожила все, что было между нами. Потому что все произошло именно так, как ты предсказывал. Потом в огне Фоксворт-холла погиб Барт. Ты был рад избавиться от него? Неужели ты думал, что я побегу в твои объятия и позабуду все, чем я была обязана Полу? Неужели ты сомневался, что я его любила? – Ее голос возвысился до крика. – Я никогда не ощущала, что он стар, пока ты не начал без конца говорить о его возрасте. Возможно, я даже не придавала бы особого значения словам Аманды, если бы ты не говорил об этом. О том, что я не должна была выходить замуж за человека на двадцать пять лет старше, чем я.

Я сжался в тугий комочек. Мне было стыдно оттого, что я подслушивал, но я уже не мог уйти, после того как услышал столько. Мама будто долго копила все это, прежде чем бросить ему в лицо, – и вот час настал. Папа не мог отразить ее яростную атаку.

– Помнишь день, когда мы с Полом поженились?! – кричала она. – Помнишь? Подумай о моменте, когда ты передавал ему кольцо, чтобы Пол надел его мне на палец. Ты тогда так неприлично долго тянул, что тебе стали шептать со всех сторон. И все это время ты смотрел на меня умоляющими глазами. Я тогда воспротивилась твоим желаниям, как мне следовало бы поступить и после смерти Пола. А не хотел ли ты его смерти, чтобы настал твой час? Ты всегда добиваешься того, что хочешь! Ты способен долго оставаться в тени, ты выжидаешь удобного момента, чтобы вновь вмешаться в мою жизнь! Ну что ж, ты добился, чего хотел: вот я в твоей кровати, там, где ты и хотел меня иметь! Вот я и твоя жена. Теперь ты доволен? Доволен?! – Она всхлипнула и ударила его по щеке.

Он не сказал ни слова в ответ. Но она и тогда не остановилась:

– Неужели ты не понимаешь, что, если бы ты не встал между Полом и мною, я не стала бы уводить у матери Барта? Неужели ты не осознаешь, что мой стыд возрастал по мере того, как ты все крутился и крутился возле меня, и за стыд этот я возложила ответственность на мать?! Отнять у нее Барта было для меня единственным способом отомстить ей за то, что она сделала с нами. А теперь, после того как мы были приняты, подняты на ноги Полом, у тебя не хватает щедрости души для маленькой девочки, которой суждено стать сиротой. Даже притом, что я приняла все меры, чтобы власти не предприняли расследования в отношении нас. Но ты думаешь только о своих интересах, желая всеми силами сохранить меня для себя.

– Кэти, пожалуйста... – слабо проговорил он.

Она ударила его кулачком и прокричала:

– Может, ты даже планировал то, что сексуальная жизнь спровоцирует новый сердечный приступ у Пола!

Папа будто застыл от этих слов. А мама молча в испуге, едва дыша, глядела на него. Слезы катились по ее щекам.

Мне хотелось плакать, плакать за всех: за него, за нее, за Барта – и за себя. И все же я ничего не понимал.

Папа начал дрожать, будто в комнате внезапно наступила зима.

Неужели мама права и папа является невольным виновником всех этих смертей? Мне стало страшно, потому что я любил его.

– Господи боже, Кэтрин, – сказал он, поднимаясь и направляясь в спальню, – я сложу вещи и уеду менее чем через час, если это все, чего ты желаешь. И надеюсь, ты будешь довольна. Ты победила!

Она грациозно вскочила и побежала вслед за ним. Схватила его за руку, повернула к себе и прижалась к нему.

– Крис! – закричала она. – Прости меня. Я так виновата! Я не хотела этого говорить. Я не это имела в виду. Это было жестоко, я знаю. Я люблю тебя, я всегда тебя любила. Я лгу, я болтаю ерунду, и все для того, чтобы настоять на своем. Я обвиняю всех, всех, кроме себя. Я не вынесу этой вины. Не гляди так, будто я тебя предала. Ты прав: мне нельзя брать ребенка, потому что несчастье постигает всех, кого я люблю. Я уничтожаю все лучшее на своем пути. Я могла бы найти необходимые слова для Кэрри и для Джулиана, но не сделала этого.

Она прижималась к нему, а он стоял как столб, не возвращая ей страстных слов и поцелуев. Она схватила его безвольно повисшую руку и попыталась ею ударить себя по лицу, но ничего не вышло.

– Крис, ну ударь меня, Крис! Бог видит, я это заслужила. И не надо мне Синди, у меня есть ты и мои сыновья.

Я бы сказал, что папа пребывал в полнейшей растерянности. Мне было ясно, что она применяет какую-то хорошо испытанную тактику. Но он медлил, и она снова закричала:

– В чем дело, Кристофер Долл? Ты ничего не отвечаешь, значит ты судишь меня с точки зрения собственных моральных понятий. Ты считаешь, что у меня нет никаких понятий о морали! Ты полагаешь, что я – актриса, играющая роль, как играла когда-то наша мать. Даже хорошо меня зная, ты не можешь понять, когда я играю, а когда нет? А знаешь почему? – Ее голос стал незнакомым, выражение лица циничным. – Я отвечу за тебя. Кристофер, ты боишься взглянуть на меня честным взглядом. Ты не желаешь знать, что я на самом деле такое. Теперь я не играю: вот она я, какая есть, перед тобой. Ты не хочешь признать, что ты любишь своей беззаветной любовью женщину безжалостную, сумасбродную и чрезвычайно корыстную. Смотри, смотри правде в глаза! Я не ангел и никогда им не была – и не буду! Крис, ты так и прожил дураком всю свою взрослую жизнь, стараясь превратить меня в то, чем я никогда не буду; поэтому ты – тоже лжец. Разве не так? – Она засмеялась. – Посмотри на меня, Кристофер. Кого я тебе напоминаю?

Она отодвинулась от него и дала ему время на раздумье, но так как он не отвечал, она продолжала:

– Ну, смелее, – ведь я ее копия, не правда ли? Я помню последнюю ночь в Фоксворт-холле, когда гости веселились у елки, а в библиотеке она заламывала руки, как я сейчас. Она рыдала, что отец избивал ее и принуждал сделать то, что она сделала. Жаль, что тебя там не было! Так что не стесняйся, ударь меня, Крис! Закричи на меня, но покажи, что ты тоже человек!

Я видел, что у него кончается терпение. Я трепетал: что сейчас произойдет? Я хотел подбежать к ним, потому что, если только он поднимет на нее руку – я стану защищать ее. Я не позволю ему бить мою мать.

Может, она услышала мои мольбы? Она отпустила его и снова сползла на ковер.

Их перепалка привела меня в замешательство. И почему название «Фоксворт-холл» пробуждает скрытые страхи, которым лучше бы не выходить на свет? И кто была ее мать,

которая заламывала руки? И где же был тогда дядя Пол? Тогда, когда мама еще не встретила Криса – его младшего брата? По крайней мере, нам так говорили. Или родители лгут?

Фоксворт-холл – почему это звучит так знакомо?

Папа опять опустил на колени возле мамы и нежно ее обнял. На этот раз она не оттолкнула его. Он покрыл ее лицо поцелуями.

– Крис, как ты можешь любить такую суку? Как ты можешь прощать мои дикие выходки? Я такая же сука, как и она, но я отдам всю свою жизнь, чтобы исправить то зло, что она натворила.

Они замолчали, глядя друг на друга и тяжело дыша. Между ними разгоралась страсть, которая всегда таилась под поверхностью, и у меня по коже побежали мурашки.

Опасаясь увидеть слишком много, я тихо прокрался в свою комнату, преследуемый видением того, как они катаются по полу гостиной, оба дикие, стягивая друг с друга одежду. И последнее, что я слышал, – звук расстегиваемой молнии. Его или ее – не знаю. Однако я задумался об этом. Неужели женщина сама, по собственной воле, будет расстегивать мужчине брюки, даже если она его жена?

Я побежал в сад. Там, возле обнаженных мраморных статуй, белеющих во мраке, я упал на траву и зарыдал. Первое, что я увидел, подняв голову, была статуя Родена «Поцелуй». Хотя это всего лишь копия, но мне она о многом говорила.

Ребенком я думал, что связь моих родителей неразрывна, а их любовь – это блестящая, гладкая атласная лента. Теперь она была порядком запятнана и больше не блестела. Может быть, я просто не слышал их ссор? Я старался вспомнить, но не мог, кроме коротких споров, которые вскоре разрешались.

Ты слишком взрослый, чтобы плакать, упрекнул я себя самого. Четырнадцать – это почти мужчина. У меня уже начинали расти усы. Все еще всхлипывая, я побежал к стене и забрался на дерево. Там, в своей любимой развилке, я уселся и стал смотреть на особняк, призрачно белеющий в лунном свете. Я думал о том, кто был отцом Барта. Почему Барта не назвали именем его отца? Это было бы так естественно. Почему Барт, а не Пол?

Пока я сидел, с моря начал подбираться туман, вскоре скрывший особняк из глаз. Все вокруг плавало в густом сером тумане: пугающе, таинственно, нереально.

Вдруг со стороны особняка послышались сдавленные звуки. Будто кто-то плакал. Вздохи, всхлипы перемежались молитвами и мольбами о прощении.

О боже! Неужели та дама в черном тоже плачет? Слишком много слез... Что же она могла совершить? Неужели всем взрослым приходится скрывать какое-то постыдное прошлое? Неужели и мне, когда я вырасту?

– Кристофер... – послышался ее вздох.

Я отпрянул и взгляделся во тьму. Откуда ей известно имя моего папы? Или она о другом Кристофере?

Я понимал только одно: что-то угрожало спокойствию всех нас. Барт стал еще более странным, чем всегда. Что-то – или кто-то – оказывало на него влияние каким-то непонятным для меня способом. Но как бы там ни было, если уж я не мог ничего понять из разговора мамы с папой, то Барт и подавно.

Что-то происходило с Бартом, что-то – с моими родителями. Я чувствовал непомерную тяжесть на своих плечах. А они не были еще вполне крепкими.

* * *

Однажды днем я намеренно пришел из балетной школы пораньше. Мне хотелось узнать, что делает Барт, когда я отсутствую. Его не было дома, его не было в саду; следовательно, оставалось одно: он – в том доме по соседству.

Я легко отыскал его. К моему удивлению, он сидел на коленях у этой дамы, вечно одетой в черное. Я задохнулся от возмущения: каков мошенник! Я тихонько подошел к окну зала, который она любила больше остальных. Она пела ему, а он, уютно свернувшись, смотрел снизу вверх в ее закрытое вуалью лицо. Его большие темные глаза были совершенно невинны. Но вдруг выражение их изменилось на лукавое, и он спросил странным тоном:

– Ты ведь не любишь меня на самом деле?

– Люблю, люблю, – мягко проговорила она. – Я люблю тебя больше, чем кого-либо любила прежде в своей жизни.

– Больше, чем могла бы любить Джори?

А какого дьявола она станет любить меня?

Она засомневалась, отвела взгляд, потом проговорила:

– Да, ты для меня – особенный...

– А ты будешь всегда любить меня больше других?

– Всегда, всегда...

– И ты мне подаришь все, что я хочу?

– Все, все... Барт, как только ты придешь ко мне в следующий раз, ты найдешь здесь свое заветное желание, ожидающее тебя...

– Давно бы так! – проговорил он вдруг жестким наглым тоном.

Меня это удивило, хотя Барт всегда на глазах менял выражения, походку, тон... Играет, вечно играет. Сейчас голос его звучал так, будто за него говорил кто-то многими годами старше.

Надо пойти рассказать маме и папе. Барту необходимы друзья его возраста, а не престарелая дама. Нездорово для мальчишки быть в одиночестве. И я опять задумался о том, почему наши родители никогда не приглашают в дом своих взрослых друзей с детьми, как это делают другие родители. Мы живем совершенно изолированно, и вот приезжает эта мусульманка, или кто она там, и завоевывает потихоньку любовь Барта. Мне бы радоваться за брата, но странно: меня это очень беспокоило.

Барт встал и проговорил:

– До свидания, бабушка.

Он сказал это вполне обычным своим мальчишеским голосом.

Черт возьми, что он разумел под словом «бабушка»?

Я терпеливо выждал, пока Барт перелезет через стену, обогнул особняк и постучал в ее дверь. Я думал, что мне откроет тот старый дворецкий, но открыла сама старая дама, посмотрев в глазок и спросив, кто там.

– Джори Марке Шеффилд, – гордо назвал себя я полным именем, как сделал бы мой отец.

– Джори, – прошептала она и сейчас же открыла дверь. – Входи.

По всему было видно, что она счастлива видеть меня. Я прошел, заметив в сумраке холла промелькнувшую и скрывающуюся фигуру.

– Я так счастлива, что ты пришел. Твой брат был здесь и уплет все мороженое, но я могу предложить тебе содовую и печенье.

Ничего удивительного, что Барт не ест вкуснейшие кушанья Эммы. Эта женщина кормит его всякой вредной дрянью.

– Кто вы? – зло спросил я. – Вы не имеете права кормить моего брата.

Она отступила, задетая за живое, униженная:

– Я пытаюсь уговорить его, чтобы он подождал до времени после ланча, но ничего не могу с ним поделать. И пожалуйста, дай мне объяснить, не суди сгоряча.

Она жестом пригласила меня в один из уютных залов и указала на стул. Я хотел отказаться, но во мне проснулось любопытство. Женщина провела меня в комнату, которая пока-

залась мне сравнимой с дворцами французских королей. Там было концертное пианино, банкетки, пуфики, резные стулья, огромный мраморный камин...

– У вас есть имя?

Она смешалась:

– Барт зовет меня... бабушкой.

– Никакая вы ему не бабушка, – отрезал я. – Когда вы ему это говорите, вы смущаете его, но видит бог, смущать его – это наносить ему вред.

Она порозовела от волнения.

– У меня нет внуков. Я одинока, мне нужно общество детей, и... Барт, по-видимому, любит меня.

Мои мысли смешались, а планы рухнули от жалости к ней. Но я взял себя в руки:

– Не думаю, чтобы визиты к вам принесли Барту пользу, мэм. На вашем месте я бы отказал ему от дома. Ему нужны друзья его возраста...

Тут мой голос ослаб, потому что как я мог сказать ей, что она стара?

Две бабушки, думал я, одна в сумасшедшем доме, другая помешанная на балете, – этого вполне достаточно.

* * *

На другой день нам с Бартом сообщили, что в эту ночь умерла Николь и отныне ее дочь Синди будет нам сестрой. Я поглядел на Барта. Папа сидел, уставившись в тарелку, но ничего не ел. Я был оглушен этим известием. Вскоре послышался звук детского плача, такой незнакомый для нас.

– Это Синди, – сказал папа. – Мы с мамой были у постели Николь, когда она умирала. Ее последними словами была просьба взять к себе ее ребенка. Когда я подумал о том, что вдруг такое приключится и с вами, мальчики, я понял, что отошел бы в мир иной с легкой душой, зная, что у моих детей хороший дом... поэтому я позволил маме сделать так, как она хотела давно.

Мама вошла в кухню, неся на руках маленькую девочку с белокурыми локонами и большими голубыми глазами, так похожими на мамины.

– Разве она не обворожительна, Джори, Барт?

Мама поцеловала Синди в круглую розовую щечку, а девочка глядела то на меня, то на Барта.

– Синди сейчас два года, два месяца и пять дней. Хозяйка квартиры, где жила Николь, была в восторге оттого, что мы забираем ребенка, которого она считала обузой. – Мама улыбнулась счастливой улыбкой. – Помнишь, ты как-то просил сестренку, Джори? Я тогда ответила, что больше не могу иметь детей. Теперь ты видишь, что пути Господни неисповедимы. Я скорблю по Николь, которая должна была бы дожить до восьмидесяти. Но у нее был перелом позвоночника и много внутренних травм...

Она не закончила. Я подумал, как жестоко было дать нам сестру, о которой я только раз обмолвился, вместо цветущей девятнадцатилетней Николь Николс...

– Ты лечил Николь? – спросил я у папы.

– Нет, сын. Но так как она приходилась мне знакомой и студенткой мамы, меня допустили к ведению лечения. Сегодня в четыре утра позвонили из больницы, и мы кинулись туда.

Я посмотрел на мою сестру. Она была очень миленькая, и розовая пижама ей была к лицу. Она вцепилась в маму и испуганно смотрела на незнакомцев, а потом уткнулась носом в мамино плечо и спряталась.

– Барт, – с милой улыбкой сказала мама, – ты тоже делал так. Ты прятал лицо и полагал, что мы тебя не видим, поскольку ты не видел нас.

– Убери ее! – заорал вдруг Барт, весь красный от гнева. – Убери ее прочь! Закопай в могилу вместе с ее мамой! Не хочу сестру! Ненавижу ее, ненавижу!

Наступила тишина. Никто не мог выговорить ни слова. Мама не могла даже вздохнуть, так она была шокирована, а папе пришлось схватить Барта, который уже порывался стукнуть Синди! Синди развопилась, а Эмма гневно воззрилась на Барта.

– Барт, я никогда еще не слышал ничего более жестокого и ужасного, – сказал папа, усаживая Барта к себе на колени.

Барт вертелся, пихался и пытался соскочить, но папа держал его крепко.

– Иди в свою комнату и подумай там, пока в тебе не проснется сочувствие к другим. Будь ты на месте Синди, ты бы не разговаривал так.

Что-то бормоча, Барт пошел в свою комнату и с треском захлопнул дверь.

Папа взял в руки свой черный портфель и собрался уходить. Напоследок он с упреком взглянул на маму:

– Как ты думаешь, отчего я возражал против удочерения Синди? Ты прекрасно знаешь, как ревнив Барт. Такой чудесный ребенок, как Синди, не пробыл бы в приюте и двух дней: ее удочерили бы и были счастливы.

– Да, Крис, ты, как всегда, прав; но мы с тобой были бы лишены дочери. А теперь у меня есть маленькая девочка, которая так напоминает мне Кэрри.

Папа сморщился как от боли. Мама сидела у стола с Синди на коленях, и впервые, сколько я помню, папа в тот день не поцеловал ее на прощание. А она не сказала ему: «Будь осторожен».

Меня Синди мгновенно очаровала. Она все трогала своими ручками, а потом тянула в рот. При виде этого милого создания во мне проснулось теплое чувство. А мама и вовсе казалась ее родной матерью – так она полюбила Синди. Обе были одеты одинаково – в розовое, с розовыми бантами в волосах, только на Синди были еще белые шелковые носочки.

– Джори будет учить тебя балету, когда ты подрастешь, – пообещала мама Синди, пока я собирался в балетную школу.

Я улыбнулся. Мама передала Синди Эмме и села в машину рядом со мной.

– Джори, я надеюсь, что Барт вскоре хоть чуточку полюбит Синди, как ты думаешь?

Мне хотелось сказать ей правду: нет, этого не будет; но я кивнул, не желая показать ей, как я беспокоюсь за брата. Проблемы, проблемы, сплошные проблемы...

– Джори, что это ты там бормочешь?

Черт, я и не заметил, что сказал это вслух!

– Ничего, мама. Просто повторяю то, что услышал от Барта сегодня ночью. Он плакал во сне, мама. Звал тебя, кричал, что ты сбежала со своим любовником. – Я усмехнулся, стараясь выглядеть беспечным. – А я и не знал, что ты такая легкомысленная!

Мама пропустила мимо ушей мою шутливую реплику.

– Джори, почему же ты раньше не сказал, что Барта мучают кошмары?

Но как я мог сказать ей правду? Правду о том, что она уж слишком занялась Синди и не обращает внимания на других? Никогда, никогда она не должна уделять кому-то – даже мне – больше внимания, чем Барту.

– Мама, мама! – слышал я крики Барта этой ночью. – Где ты? Не оставляй меня одного! Мамочка, пожалуйста, не оставляй меня. Не люби его больше, чем меня. Я хороший, я правда хороший... просто делаю не знаю что. Мама... мама!

Только сумасшедшие не знают сами, что творят. У нас в семье уже есть одна сумасшедшая. Нам не надо другого.

Значит... мне надо спасти Барта от него самого. Исправлять что-то неправильное, что началось давным-давно. И где-то в закоулках моей памяти возникали смутные воспоминания о том, что волновало и мучило меня, когда я был еще слишком мал, чтобы понимать это. Слишком мал, чтобы сложить отдельные фрагменты вместе.

Но чем больше я думал о прошлом, тем больше оно пробуждалось, и я припомнил черноволосого мужчину, но не дядю Пола. Мужчину, которого мама звала Бартом Уинслоу, а ведь это были первое и второе имена моего сводного брата.

Мое заветное желание

Противная девчонка эта Синди. Даже не волнуется, что ее увидят голой. И ей все равно, что она усаживается при всех на горшок. Берет мои игрушки и тащит их в рот. Вымажется в чем-то и ходит так.

Лето больше мне не нравилось. Делать было нечего, некуда ходить, кроме как к соседней даме. Старуха обещает пони, но никак не купит. Дразнит меня, обманывает. Ну я ей покажу. Не стану навещать ее, пусть сидит одна. Прошлой ночью мама говорила папе, что видела, как эта старуха в черном подглядывает за нами с лестницы.

– И она разглядывала меня, Крис! В самом деле!

Папа засмеялся:

– Ну и что, Кэти? Какой урон могут тебе нанести ее взгляды? Она здесь незнакомка, у нее никого нет. Разве не было бы естественным помахать ей рукой и сказать «привет»? Может быть, представиться?

Я посмеялся про себя. Бабушка бы не ответила ей. Она такая застенчивая. Она боится всех незнакомых, кроме меня. Только мне и доверяет.

Я опять напугал Синди, и меня опять наказали. Но я теперь хитрый, все равно улизнул. И побежал в соседний дом, где меня все любят.

– Где мой пони? – закричал я, проверив стойло и увидев, что оно пусто. – Ты обещала мне пони! Если ты не купишь, я расскажу маме и папе, что ты переманиваешь меня!

Она заволновалась, и ее тонкие бледные руки выдернули из-под ворота тяжелую нить жемчуга, которую она обычно прячет.

– Завтра, Барт. Обещаю тебе, завтра.

По пути домой я встретил Джона Эймса. Он повел меня в свой секретный кабинет и стал шептать что-то о «мужском поведении».

– Женщины, особенно которые рождены богатыми, глупы и не нуждаются в мозгах. Слушай меня внимательно, мальчик, и не влюбляйся в глупых женщин. Но глупы все женщины. – Его водянистые голубые глаза были жестокими и сузились в щелочки. – Когда имеешь дело с женщинами, им надо с самого начала дать понять, кто здесь хозяин. И не позволять забывать это. А вот твой урок на сегодня. Кто такой Малькольм Нил Фоксворт?

– Мой прадед, который умер, но власть его живет, – сказал я, как мне было приказано говорить, хотя я почти ничего не мог понять.

– Кто еще был Малькольм Нил Фоксворт?

– Святой. Святой, заслуживающий царского места в раю.

– Правильно, а теперь скажи все по порядку, ничего не упуская.

– Не родился еще человек мудрее, чем Малькольм Нил Фоксворт.

– Это не все, чему я учил тебя. Тебе надо читать его дневник, и тогда ты узнаешь о нем больше. Ты ежедневно читаешь его? Он честно описал в этой книге всю свою жизнь. Я прочел ее двенадцать раз или больше. Читать ее – значит учиться и взрослеть. Так что не прекращай читать дневник твоего прадеда, пока не станешь таким же умным и хитрым, как он.

– А умный и хитрый – это одно и то же?

– Нет, конечно нет! Быть умным – значит не давать людям заподозрить, какой ты хитрый.

– А почему Малькольм не любил свою маму? – спросил я, хотя и знал, что та убежала от него, но вызовет ли это и во мне такую же нелюбовь к моей маме?

– Не любил маму? Бог мой, мальчик, Малькольм обожал ее, пока та не сбежала с любовником и не оставила его, а отец был слишком занят, чтобы уделять мальчику внимание. Если

ты прочтешь дальше, то поймешь, за что Малькольм не любил женщин вообще. Читай и увеличивай в себе знание. Мудрость Малькольма станет твоей. Он научит тебя, что нельзя доверяться женщине: когда нам нужна женщина, ее всегда нет рядом с мужчиной.

– Но моя мама – хорошая мать, – слабо попытался сопротивляться я, хотя уже не был уверен в том, что говорю.

Какая жизнь неоднозначная! Это было новое слово на сегодня, «неоднозначный». Папа аккуратно напечатал его утром на листочке и позвал меня. Он объяснил мне, что означает это слово, и сказал, что надо его использовать в разговоре не менее пяти раз за этот день.

Ненавижу жить в этом неоднозначном мире! Проклятые словарные выражения учили меня тому, как неверно и лживо все на свете.

– Теперь я оставляю тебя одного, чтобы ты читал и постигал слова Малькольма, – сказал Джон Эймс и зашаркал прочь, слегка накренившись на один бок.

Я открыл книгу на странице, заложеной кожаной закладкой.

«Сегодня я попытался курить; я нашел, где хранится у папы табак, набил им трубку и закурил позади гаража.

Не знаю, как он догадался, но я был пойман. В его глазах появился жестокий огонь, и он приказал мне раздеться донага. Я плакал и бился, когда он лупил меня, а потом он посадил меня на чердак и сказал, чтобы я выучил заповеди Господни и искупил свои грехи. Там я нашел старые фотографии моей матери – того времени, когда она была еще девочкой. Какая она была красивая, и выглядит так невинно и трогательно... Ненавижу ее! Я пожелал, чтобы смерть постигла ее немедленно, где бы она сейчас ни находилась. Я желал, чтобы она страдала так же, как я, с кровоточащей спиной на душном, жарком чердаке.

Тут же на чердаке валялись корсеты – свидетельство лживости женщин, которые хотят обольстить мужчину тем, чего им даже не дала природа. Я-то знаю, что никогда не позволю себя обмануть женщине, даже самой красивой. Потому что именно женская красота сделала моего отца таким, именно женская красота виновата в том, что у меня ноет спина и я сижу на душном чердаке. Отец не виноват, он тоже страдает, как и я.

Теперь я знаю, о чем он говорит всегда: нельзя верить ни одной женщине. Особенно красивым личикам и соблазнительным телам».

Подняв глаза, я долго смотрел в пространство и видел не сено, на котором лежал, а красивое лицо моей мамы. Неужели и она обманщица? И она может однажды убежать с «любовником» и оставить меня одного с отчимом, который не будет любить меня так сильно, как Джори и Синди? Что тогда мне делать? Может быть, уйти к бабушке? Я пошел и спросил у нее.

– Конечно, любовь моя, я заберу тебя. Я стану любить тебя, защищать тебя, сделаю для тебя все, что смогу, потому что ты действительно сын моего второго мужа. Я еще не говорила тебе этого? Доверяй мне, Барт Уинслоу, будь всегда около меня и сторонись Джона. Он не тот человек, который тебе нужен.

Сын ее второго мужа. Неужели мама тоже была за ним замужем? Мама постоянно за кого-то выходит замуж! Я закрыл глаза и подумал о Малькольме, который давно в могиле. А кресло бабушки качалось и качалось... Бум, бум, бум, будто комья земли летели на мой гроб. Темно, сыро. Холодно. Рай... где этот рай?

– Барт, у тебя глаза воспалены.

– Устал, бабушка, я так устал.

– Скоро твое заветное желание исполнится.

Деньги, вот что мне нужно: деньги. Кипы и кипы зеленых бумажек.
Кто-то громко постучал в дверь. Я вскочил с ее колен и спрятался.
Впереди Джона Эймса бежал Джори.

– Где мой брат? – требовательно спросил он. – Мне не нравится его поведение в последнее время, и я думаю, это связано с тем, что он ходит к вам.

– Джори, – сказала бабушка, протягивая к нему руку, унизанную кольцами. – Не смотри на меня так. Я не причиню ему никакого вреда. Я даю ему мороженое после ланча. Сядь, Джори, и поговори со мной. Я прикажу подать прохладительные напитки.

Игнорируя все ее просьбы, Джори, как Пинкертон, огляделся, направился прямо ко мне и вытащил меня за шкирку из-за кадок с пальмами.

– Благодарю вас, мадам, я не хочу, – холодно проговорил он. – Мама очень хорошо кормит меня, а то, что Барт ходит к вам, меняет его в дурную сторону. Поэтому, прошу вас, не пускайте его больше.

В ее глазах показались слезы, и она сжала губы, чтобы не расплакаться.

Джори приволок меня на наш задний двор.

– Не смей больше ходить туда, Барт Шеффилд! Она не бабушка тебе. Ты так себя ведешь, будто она тебе дороже нас всех, дороже даже мамы!

* * *

Некоторые говорили обо мне, что я маленького роста. Но я-то знал, что после десяти я вытянусь, как дерево после дождя летом. Как только я снова окажусь в Диснейленде, я начну расти, как гигант.

– Почему ты так печален, милый? – спросила бабушка, когда на следующий день я сидел у нее на коленях.

Пони она так и не купила.

– Я не стану больше приходить к тебе, – сварливо сказал я. – Папа мне купит пони на день рождения, если я хорошенько попрошу его. Мне не нужен твой пони.

– Барт, ты уже рассказал родителям про меня?

– Нет, мэм.

– Если ты лжешь, Бог тебя накажет.

Конечно лгу. А почему бы нет? Ведь все вокруг делают то же самое.

– Я никому ничего не рассказываю, – пробормотал я. – Мама с папой не любят меня. У них есть любимчик – Джори. Теперь еще у них появилась Синди. Для них достаточно.

Бабушка быстро оглянулась, задержав внимание на запасных дверях, которые всегда были наглухо закрыты.

Она прошептала:

– Барт, я видела, что ты разговариваешь с Джоном. Я же тебе говорила, чтобы ты держался от него подальше. Он злой старик и может быть очень жестоким. Имей это в виду.

Кому же верить после этого? Он говорит то же самое про нее. Когда-то я думал, что можно доверять всем. Теперь я понял, что все притворяются, а на поверку они совсем другие. Никогда не любят, когда говорят, что любят, особенно если это касается меня. Может быть, только бабушка на самом деле любит меня – и Джон Эймс. От этой мысли я пришел в недоумение. Ведь если правду говорит Джон Эймс, то он единственный верный мне друг. Если это так, то бабушка мне не друг. Или наоборот. Мне надо выбирать, но как выбрать? Как принять решение? Когда я полулежал на коленях у бабушки, прижавшись к ее мягкой груди, я верил, что она любит меня. Она и в самом деле моя родная бабушка.

А вдруг нет?..

Я ходил к ней уже несколько недель. Джон Эймос был моим другом только несколько дней. Может быть, проверить: если он каждый день станет дожидаться моего прихода, тогда он верный друг. Допустим, семь дней. Семь – число, означающее удачу. Будет ли он мне другом семь дней подряд? Пять дней разговоров с ним в его таинственной «дыре» научили меня тому, что все женщины лживы и лицемерны.

– Барт, милый, – прошептала бабушка, целуя меня через вуаль. – Не бойся ничего, но не подходи к Джону Эймосу и не верь ничему, что он скажет. – Она погладила меня и улыбнулась. – А теперь беги в стойло и посмотри хорошенько: увидишь что-то, что мечтает иметь каждый мальчик. И все они будут завидовать тебе.

Она еще что-то говорила, но я уже соскочил с ее колен и побежал со всех ног к сараю.

Ура! Наконец! Каждый день, как талисман, я носил яблоко в кармане, надеясь на чудо. Каждый день я крал из кухни сахар, надеясь на чудо! Каждую ночь молился, чтобы у меня был пони. Он будет любить меня больше, чем других! Я пробежал все расстояние до сарая, ни разу не упав, как на крыльях. Я внимательно посмотрел в сумрак сарая: это был не пони!

Это была собака. Большая лохматая собака, которая приветливо махала хвостом и с любовью заглядывала мне в глаза, хотя я еще ничего не сделал, чтобы завоевать ее любовь. Она была привязана за ошейник к грязному колу. Мне хотелось плакать. Собака завилыла всем телом, выражая свою радость, но я ее ненавидел.

Послышались шаги бабушки и ее тяжелое дыхание. Она прибежала следом за мной.

– Барт, милый, не огорчайся, что это не пони. Я хотела бы купить тебе пони, но, как я тебе уже говорила, ты приходил бы домой, пропахший лошадиным потом. Джори и родители сразу бы узнали обо всем. Они никогда бы больше непустили тебя ко мне.

Я опустил на колени и уронил голову. Мне хотелось умереть. Я ел все ее угощения, страдал от ее поцелуев и объятий, а она... так и не купила мне пони.

– Ты обманула меня, – сказал я со слезами в голосе. – Я все дни потратил на тебя, а мог бы заняться чем-то получше.

Я пошел, понурясь и снова сделавшись маленьким. Ничуть не вырос.

– Барт, милый, ты еще не знаешь, какая чудесная собака сенбернар! – Она остановила меня и обняла. – Это еще щенок, но посмотри, какой он большой. Он вырастет и станет таким огромным, как пони. Ты можешь оседлать его и ездить на нем. А знаешь ли ты, что эта порода собак выведена для спасения людей, заваленных снегом в горах? Собаку с привязанным к ошейнику бочонком бренди отпускают совсем одну, она откапывает заваленного человека и приносит его на себе. Сенбернар – самая героическая собака в мире.

Я не поверил. Тем не менее я взглянул на щенка с большим интересом. Значит, это щенок? Он натягивал поводок, стараясь достать до меня, и этим понравился мне.

– Он и в самом деле вырастет таким же большим, как пони?

– Барт, посмотри сам: ему только шесть месяцев, а он уже почти такой же большой, как пони!

Она рассмеялась, схватила меня за руку и потащила обратно к сараю.

– Взгляни, – она указала мне на красивое красное седельце с вожжами и маленькую красную тележку. – Можешь ездить на нем, можешь запрягать его в тележку: у тебя будет и пони, и собака – на все случаи жизни. Все, чтобы полностью использовать твоё воображение.

– А он не кусается?

– Нет, конечно. Милый, ты только посмотри, как он счастлив, что видит мальчика. Дай ему понюхать свою руку. Хорошо с ним обращайся, корми, расчесывай его шерсть, и у тебя будет не просто красивая собака, но и самый преданный друг.

Я боязливо протянул ему ладонь, и щенок лизнул ее, как мороженое. Было щекотно. Я засмеялся.

– Бабушка, уйди пока, – приказал я.

Она неохотно вышла, а я опустился на колени возле моего пони, чтобы решить, кем его все-таки считать.

– Слушай меня внимательно, – твердо сказал я ему, – и запоминай. Ты не собака, а пони. Ты не для того, чтобы откапывать людей и приносить им бренди в бочонках, ты только для меня, чтобы возить меня. Ты мой пони, и только мой!

Он в изумлении слушал меня, склоняя голову в разные стороны. Он сидел на задних лапах, как собака.

– Не смей сидеть так! – закричал я. – Пони так не сидят!

– Барт, – проговорила бабушка, – запомни: надо быть добрым.

Я не стал ее слушать. Женщины ничего не понимают в «мужском поведении». Мне это объяснил Джон Эймос. Миром правят мужчины, а женщины должны бояться и вести себя покорно.

Теперь надо со всей строгостью переделать щенка в пони. Я видел, как в театре злые волшебники проделывали это. Я еще раз хорошенько вспомнил все известные мне балетные сцены и подумал, что знаю, как сделать это.

Мне не хватало крючковатого носа, острого подбородка, впалых щек и костлявых рук с длинными черными ногтями. Зато глаза у меня были подходящие – черные и злые. Может быть, удастся.

Я занес руки над головой, сделал из ногтей когти, согнул спину и произнес заклинание:

– Я даю тебе имя Эппл! С этим именем я заклинаю тебя: будь отныне пони! – Я дал ему магический талисман, который был яблоком. – Теперь ты мой, только мой! Никогда не принимай пищу и воду из чужих рук. Никогда не люби никого, кроме меня. Когда я пожелаю, я в силах умертвить тебя. Если ты дотронешься до пищи, данной чужой рукой, ты тут же упадешь замертво. Ты мой, Эппл, мой! Отныне и во веки веков мой!

Эппл понюхал мой магический талисман и разочарованно вздохнул, отвернувшись от него. Гораздо больше интереса он проявил к куску сахара, который я припас напоследок.

Я сам откусил от яблока, показывая ему, как это делается. И снова протянул ему. И снова он отвернул от яблока свою огромную бело-золотистую голову. Я стал есть яблоко сам, показывая ему, какой он дурак, что отказывается от такой вкусной пищи.

– Барт, – позвала бабушка слабым голосом, – Барт, наверное, я совершила ошибку. Надо отдать щенка обратно в магазин и купить тебе все-таки пони, о котором ты мечтал.

Я в задумчивости смотрел то на нее, то на щенка, то в сторону своего дома. Если она правду говорит, что пони пахнут, то дома обо всем догадаются. А запах собаки покажется им натуральным: они подумают, что теперь мы с Клевером друзья, хотя на самом деле он никогда не подходил ко мне.

– Бабушка, я решил: оставляю щенка. Я буду учить его, как играть в лошадку. А если он так и не научится до того времени, как я поеду в Диснейленд, тогда отдай его, но я больше не смогу приходить сюда.

Счастливым, я бросился в сено и возился там с моим щенком-пони, единственным щенком-пони на всем белом свете. И мне нравилось, что он такой большой, теплый, пушистый.

Потом я посмотрел на бабушку и понял, что Джон Эймос ошибался. Не все женщины лицемерны и злы, и мне было приятно думать, что это Джон Эймос злой и лицемерный, а мама и бабушка – самые лучшие в мире после моего щенка-пони.

– Бабушка, ты и вправду моя родная бабушка, а мой отец был твоим вторым мужем?

– Да, это правда, – ответила она, низко склонив голову. – Но это все между нами. Это большой секрет. И ты должен пообещать никому его не открывать.

Она выглядела такой печальной, а я готов был взорваться от радости. У меня есть щенок-пони! У меня есть бабушка, которая была замужем за моим родным отцом! Наконец-то я счастлив.

Я буду хорошим. Я стану правильно произносить слова. Вот что сделали моя бабушка и Эппл. Можно много лет твердить мне, как мама с папой, чтобы я говорил правильно, а можно достичь этого за один день, как сегодня.

Вскоре я выяснил, что еда и любовь связаны. Чем больше я давал еды Эпплу, тем больше он любил меня. И без всякого колдовства он был мой, весь мой. Когда я по утрам приходил к стойлу, он бежал ко мне, прыгал на меня, бегал кругами, вилял хвостом, лизал меня в лицо. Когда я запрягал его в тележку, он вставал на дыбы, как настоящая лошадь. Пытался избавиться от седла, которое я надевал ему на спину.

– Мне скоро уже одиннадцать, – сказал я бабушке вскоре, надеясь склонить ее на некоторые дела, которые пришли мне в голову.

– Десять, – поправила она. – В твой день рождения тебе будет десять.

– Одиннадцать! – закричал я. – Весь год мне шел десятый. Значит, теперь скоро одиннадцать.

– Барт, ну зачем тебе торопить жизнь? Она и так проходит быстро. Будь доволен, что ты еще молод, будь таким, как ты есть.

Я гладил голову Эппла.

– Бабушка, расскажи мне о своих мальчиках.

Я не мог видеть ее лица, но увидел, как печально опустились ее плечи.

– Один из них уже в раю, – хрипло проговорила она, – а другой убежал.

– А куда он убежал? – спросил я, планируя тоже убежать туда, если там хорошо.

– На юг, – кратко ответила она.

– Я тоже убегу на юг. Ненавижу это место! Тут полно могил и старых бабушек. Одна даже в сумасшедшем доме. Другая – такая злобная, как ведьма. Ты моя самая любимая бабушка, – продолжал я.

Теперь, как мне казалось, я во всем разобрался: она не может быть сумасшедшей бабушкой; значит, она – мать моего родного отца. Женщины меняют фамилии, когда выходят замуж, но тут я вспомнил, что она так и не сказала мне своего имени.

– Коррина Уинслоу, – ответила она, когда я спросил.

Через приподнятую вуаль мне был виден краешек ее лица. Прядь волос выбилась на щеку. Хотя волосы были седыми, они все еще золотились. Мягкие золотые волосы. Мне стало ее жаль. Ей в самом деле будет меня не хватать, когда я уеду.

– Я еду в Диснейленд, бабушка. Мы там пробудем одну неделю, потом приедем и устроим праздник на мой день рождения. А потом летим на восток и проведем две проклятые недели, посещая...

– Я уже знаю, – прервала она меня с улыбкой, – две потерянные недели, навещая старых бабушек и посещая старые могилы. Но ты все равно хорошо проведешь время. А пока тебя не будет, я буду здесь заботиться об Эппле.

– Нет! – завопил я, испугавшись, что Эппл будет любить ее больше, чем меня. – Он – мой. Оставь его и не корми, чтобы он не стал твоим.

Она согласилась сделать, как я сказал. Я сказал ей, что собираюсь сбежать после Диснейленда и сам заботиться об Эппле, но как это будет происходить, я не имел понятия. Выражение ее лица сказало мне, что и она не вполне поняла.

Позже, лежа на сене с Эпплом, я увидел над собой Джона Эймса. Он снова стал рассказывать, какие плохие женщины, как они заставляют мужчин «грешить».

– Никто ничего не делает задаром, – наставлял он меня. – Разве в твою голову не пришла мысль, что она имеет на тебя порочные планы, Барт Уинслоу?

– Почему ты называешь меня Уинслоу?

– Так ведь это твое имя, верно?

Я усмехнулся и гордо сообщил ему, что у меня самое длинное имя, какое только может быть.

– Это неважно, – нетерпеливо сказал он. – Будь внимателен, мальчик, и слушай. Вчера ты спросил меня, что такое грех. Я хотел тебе ответить точно. Но только сегодня подобрал верные слова. Грех – это то, что совершают мужчина и женщина, когда они закрывают за собой дверь спальни.

– А что плохого в этом грехе?

Он злобно и мерзко усмехнулся, обнажив свои желтые зубы, и я захотел, чтобы он сейчас же ушел и оставил нас с Эпплом в покое.

– Грех – это то, что использует женщина, заставляя мужчину подчиняться. Она делает его слабым. Внутри каждого мужчины есть слабое место, и женщина знает, как найти его; она снимает свою одежду и вытягивает из мужчины все силы, используя его желание удовольствия. Понаблюдай за своей матерью: посмотри, как она улыбается твоему отчиму, как она красится, надевает красивые одежды; посмотри, как тогда зажигаются глаза твоего отчима, и поймешь: они оба на пути к тому, чтобы совершить грех.

Мне стало страшно. Я не хотел, чтобы мои родители совершали что-то плохое. И чтобы Бог наказал их.

– А теперь послушай, что пишет Малькольм: «Я плакал и плакал долгих пять лет, после того как моя мать сбежала, оставив меня с отцом, который ненавидел меня за то, что я – ее сын. Он часто говорил мне, что, выйдя за него замуж, она постоянно обманывала его с разными любовниками. И он не может любить меня. И не может видеть меня. Мне стало невыносимо одиноко в этом огромном доме, где меня никто не любил; к тому же отец корил меня тем, что из-за меня не может снова жениться. Никто из его любовниц меня не любил. Но все меня боялись. Я не скрывал того, что думаю о них. Я знал, что они будут гореть в адском огне».

Непонятные слова меня раздражали.

– Что такое любовница? – решил наконец спросить я.

– Душа, которой прямой путь – в ад. И не думай, – вдруг с горящим взглядом набросился он на меня, – что можешь уехать и доверить кому-нибудь свою собаку. Когда ты принимаешь на себя ответственность за взятое животное, эта ответственность – на всю жизнь. Ты должен сам кормить его, поить, наказывать и учить – или Бог накажет тебя!

Я вздрогнул и посмотрел на своего щенка-пони, который беззаботно гонялся за своим хвостом.

– В твоих глазах я вижу силу, мальчик. Такая же сила была у Малькольма. Бог послал тебя, чтобы выполнить великую миссию. Малькольм не будет спать спокойно в своей могиле, пока весь этот дьявольский посев не сгорит живьем на дьявольском же огне!

– Дьявольском огне, – повторил я машинально.

– Двое уже в огне... очередь за тремя.

– Очередь за тремя.

– Дьявольский посев умножается.

– Умножается...

– И когда ты исполнишь свою миссию, тогда Малькольм отдохнет в своей могиле.

– Отдохнет в моей могиле.

– Что ты сказал?

Я страшно смутился. Иногда мне казалось, что я – это Малькольм.

Но Джон Эймс почему-то улыбнулся и остался доволен. Мне было позволено идти домой.

Джори засыпал меня вопросами:

– Где ты был? Что ты там делал? Я видел, как ты говорил с этим старым дворецким. Что он говорил тебе?

Я был перед ним, как мышь передо львом. Но я припомнил, как поступал в таких случаях Малькольм.

Я сделал ледяное выражение лица и проговорил:

– У нас с Джоном Эймсом секреты, которые не твоего дрянного ума дело.

Джори застыл. Я спокойно пошел дальше.

Под раскидистым деревом мама укачивала Синди в детском гамаке. Слюнявые девочки должны быть привязаны, чтобы не вывалились.

– Барт! – позвала мама. – Где ты был?

– Нигде! – рявкнул я.

– Барт, мне не нравится твоя грубость.

Я остановился и направил на нее свой мощный взгляд, думая, что смогу, как Малькольм, испепелить ее. Но тут я увидел, что ее обтягивающая голубая маечка даже не достает до верха ее белых шортов и виден пупок! Грех показывать голое тело. В Библии Создатель приказал Адаму и Еве надеть одежду и закрыть свое греховное тело. Или моя мама такая же грешница, как та Коррина, что убежала со своим любовником?

– Барт, не гляди на меня так, будто не узнаешь.

Мне на ум пришла одна из любимых цитат Джона Эймса. Понемногу я начинал понимать промысел Божий в отношении людей.

Я сказал:

– Имей в виду, мама: Господу известно все, и он всем воздаст по делам их.

Мама чуть не подпрыгнула:

– С чего это ты говоришь такое?

Как она трепещет! Я повернулся, чтобы обозреть все эти голые статуи в этом Саду Греха. Голые люди – вот что не дает Малькольму спокойно спать в могиле.

Но все же я любил ее. Она была моя мама; иногда она приходила поцеловать меня на ночь и послушать мои молитвы. До Синди она любила меня больше и проводила со мной больше времени. И никаких «любовников» у нее я не видел.

Я не знал, что теперь сказать.

– Хочу спать, – бросил я и ушел, чувствуя себя неловко и неудобно.

Я был в разрыве со всем миром. А что, если то, о чем пишет Малькольм и говорит Джон Эймс, – правда? Неужели мама грешница и заставляет мужчин быть как животные? А так ли это плохо – быть как животные? Вот Эппл не плохой и не грешник. Да и Клевер тоже, хотя он и не любит меня.

В комнате Джори я остановился перед большим аквариумом, в котором серебристые пузырьки воздуха образовали красивый фонтан, как в шампанском, которое однажды мама дала мне попробовать.

В моем аквариуме рыбки не жили, а у Джори, наоборот, никогда не умирали. В моем пустом аквариуме находился только игрушечный пиратский бриг. Аквариум Джори переливался всеми красками: там стоял игрушечный замок и росли настоящие морские джунгли. Его рыбки плавали среди кораллов.

Джори все делал лучше меня. Я больше не хотел быть Бартом. Барт теперь должен остаться дома и забыть о Диснейленде, потому что он принял на себя ответственность.

Домашнее животное – это, оказывается, тяжелая обязанность.

Я упал на кровать и уставился в потолок. Малькольму больше не нужна его сила и его мудрость. Он умер, и его таланты были растрочены. Но никто никогда не смел заставить Малькольма делать то, чего он не хотел. После того, как он повзрослел, конечно. Мне так хочется стать мужчиной, финансовым магнатом. Как Малькольм.

Пусть люди встают, когда я обращаюсь к ним. Пусть трепещут, когда я гляжу на них.
Сжимаются от страха, когда я двинусь с места.
И этот день придет. Я чувствую это.

Тени

– Джори, – сказала мне мама, когда мы шли к машине, – я не понимаю, что случилось с Бартом этим летом. Он совсем изменился. Как ты думаешь, чем он занимается, когда нас нет?

Я почувствовал себя неуютно: мне хотелось защитить Барта, позволив ему сохранить его единственного друга, но, с другой стороны, я никак не мог сказать маме, что та женщина называет себя бабушкой Барта.

– Не беспокойся насчет Барта, мама, – сказал я. – Продолжай заниматься с Синди. Она забавная девчонка, наверное, и ты такой была.

Она улыбнулась и поцеловала меня в щеку:

– Если мои глаза меня не подводят, то есть еще одна забавная девчонка, которой ты восхищаешься.

Я вспыхнул. Я и в самом деле не мог не восхищаться Мелоди Ришарм. Она была безумно мила: с волосами еще светлее, чем у мамы, но с такими же мягкими, сияющими голубыми глазами. Мне кажется, я не смогу влюбиться в девушку, у которой не голубые глаза. Как раз в этот момент Мелоди выпорхнула к машине своего отца, и я снова залюбовался ею. Как незаметно девчонки превращаются в девушек! Я никак не мог поймать того момента, когда вдруг из плоскогрудой девочки расцветает обольстительная, с манящими губами и тонкой талией девушка.

Когда мы приехали домой, мама послала меня за Бартом:

– Если он все еще на том дворе, скажи мне. Я бы не хотела, чтобы мои дети беспокоили старую отшельницу, хотя, видит бог, мне бы не хотелось, чтобы и она беспокоила меня, влезая на эту лестницу.

После длительных поисков я наконец нашел Барта в старом сарае, который в прежние времена называли флигелем для экипажей. Теперь там стояли пустые стойла, и в одном из них на грязном сене возлежал Барт. Я не поверил своим глазам: рядом с ним резвился щенок сенбернара. Он был ростом с Барта. Но я сразу понял, что это всего лишь щенок, потому что он уморительно, по-щенячьи взбрыкивал и повизгивал.

В руках у Барта был кнут. Он бросил его наземь и закричал:

– Перестань прыгать, Эппл! Пони перепрыгивают только через барьеры. Поэтому ешь-ка лучше сено, а то завтра я не дам тебе свежего.

– Барт! – тихо позвал я, перегнувшись через стенку, и улыбнулся, когда он подпрыгнул. – Собаки не едят сено.

– Уходи! Убирайся! – Он вспыхнул глазами и лицом. – Тебе здесь нечего делать!

– Тебе тоже!

– Уходи отсюда, – почти прорыдал Барт, швыряя кнут и хватая в охапку огромного щенка. – Это моя собака; это вовсе не собака, а пони; я учу ее быть и щенком, и пони. И не смейся, и не вздумай назвать меня сумасшедшим.

У меня комок встал в горле от жалости к нему.

– Я и не думаю, что ты сумасшедший.

Мне действительно было неудобно, что у меня всегда лучше получалось с животными, чем у него. Было такое впечатление, будто все они знали, что он станет наступать им на хвосты и спотыкаться о них. Честно говоря, и я бы не чувствовал себя в безопасности, лежа на полу, когда поблизости был Барт.

– Кто подарил тебе щенка?

– Бабушка, – гордо ответил Барт. – Она любит меня, Джори, даже больше, чем мама. И уж точно больше, чем твоя старая мадам Мариша любит тебя!

Так всегда: как только я по-человечески отнесусь к нему, как он вознаградит меня оплеухой, чтобы пожалеть о том, что был с ним добрым.

Я не стал гладить щенка, хотя он подлизывался ко мне. Я оставил Барта с его собственностью: может быть, он наконец успокоится.

Когда мы шли домой, Барт счастливо улыбался.

– Ты не сердишься на меня? – спросил он.

– Конечно нет.

– Ты не скажешь маме и папе? Пожалуйста, это очень важно: ничего им не говори.

Я не любил ничего скрывать от родителей, но Барт так просил, и потом, что плохого, если старая дама дала Барту несколько подарков и щенка в придачу? Это сделало его счастливым, и он чувствует, что его любят.

В кухне Эмма кормила Синди с ложечки. Синди была разодета мамой в голубые панталончики и белую кофточку с вышивкой. Мама сама сделала эту вышивку. Волосы Синди были тщательно расчесаны, и на макушке голубой лентой был подвязан хвостик. Она была такая чистенькая, хорошенькая, что хотелось обнять ее, но я только улыбнулся. Я хорошо знал, что демонстрировать свои чувства при ревнивом Барте нельзя. Странно, но Синди очень полюбила именно Барта. Может быть, оттого, что он был немногим старше ее.

Мой братец с размаху бросился в кресло, так что оно едва не перевернулось. Эмма нахмурилась и сказала:

– Пойди вымой руки и лицо, Барт, если хочешь обедать за моим столом.

– Это не твой стол!

И Барт пошел в ванную. По пути он специально вытер грязные руки о стены, чтобы оставить следы.

– Барт! Прекрати пачкать стены! – строго сказала Эмма.

– Не ее стены, – пробормотал Барт.

Он мыл руки целую вечность, а когда пришел, то вымытыми оказались лишь ладони. Он с отвращением взглянул на сэндвичи и суп, приготовленный Эммой.

– Ешь, Барт, или ты совсем истаешь, – сказала Эмма.

Я уже съел две тарелки овощного супа и доедал второй сэндвич, а Барт едва сжевал половину сэндвича и не притронулся к супу вообще.

– Как вам нравится ваша сестренка? – спросила Эмма, вытирая Синди рот и снимая с нее испачканную салфетку. – Разве она не куколка?

– Она очень хорошенькая, – ответил я.

– Синди никакая нам не сестренка! – взвился Барт. – Просто слюнявая малышка, которую никто, кроме мамы, не желал!

– Бартоломью Уинслоу, – строго проговорила Эмма, – не смей больше говорить в таком тоне. Синди – чудесная девочка, и она так похожа на вашу маму, будто действительно ее дочь.

Барт продолжал хмуриться на Синди, на меня, на Эмму, даже на стену.

– Ненавижу белые волосы и красные губы, вечно мокрые, – пробормотал он и высунул язык, отчего Синди засмеялась. – Если бы мама так не кружилась вокруг нее, не завивала ей волосы и не покупала бы ей новые вещи, она была бы уродкой.

– Наша Синди никогда не будет уродкой, – проговорила с восхищением Эмма.

Она поцеловала Синди, и Барт еще сильнее нахмурился.

Я со страхом ждал, что еще вытворит Барт. Каждое утро я просыпался и думал о своем брате, который становился все более и более странным. А я любил его, я любил и родителей, и даже Синди. Я знал, что надо защитить всех от грозящей нам напасти, но от чего?

Этого я не знал и даже не мог предполагать.

Подменыш

Черт побери Джори и Эмму, думал я, пробираясь по Аризонской пустыне. Хорошо еще, что меня любит бабушка и любит Эппл, а то бы мне было совсем тоскливо. Вот она стоит, моя дама в черном, раскинув руки в ожидании: меня будут целовать и обнимать гораздо горячее, чем Синди.

Она предложила мне тарелку супа. Он был такой вкусный, с сыром.

– Почему я не могу сказать родителям, как я люблю тебя и как ты любишь меня? Это было бы прекрасно.

Я не сказал ей, что не верю, будто она на самом деле моя бабушка, а просто думаю, что она хотела угодить мне. Вот и сказала так. Все равно она мне родная, а в семье все должны любить друг друга. Только незнакомые не любят.

Она молча показала мне новый подарок – грузовик. Вся радость будто слетела с нее от моего вопроса.

– Твои родители ненавидят меня, Барт, – едва слышно прошептала она. – Не говори им ничего. Пожалуйста, храни наш секрет.

Мои глаза округлились от изумления:

– Ты что, была с ними знакома?

– Да, давным-давно, когда они были еще молодыми.

Вот это да!

– А что такого ты сделала, что они тебя ненавидят?

Сама ненависть не была мне удивительна: я считал, что меня тоже все ненавидят.

Бабушка прикоснулась ко мне рукой:

– Барт, иногда даже взрослые совершают непростительные ошибки. Я за свою ошибку дорого заплатила. Каждую ночь я молю Бога о прощении, я мысленно молю своих детей о прощении. Я не нахожу себе места, когда гляжу на себя в зеркало, поэтому я прячу от всех свое лицо; я нарочно сижу в таких неудобных креслах, чтобы ни на минуту не забывать о зле, которое я причинила тем, кого любила больше всех.

– А куда делись твои дети?

– Разве ты не помнишь? – расплакалась она. – Они убежали от меня. Барт, мне так тяжело вспоминать это. Никогда не убегай от своих родителей, Барт.

Я и не хочу. Мир слишком большой. Слишком страшный. Я хочу остаться там, где тепло и безопасно. Я подбежал к ней, обнял; потом начал играть с новым грузовиком – и тут в комнату вошел, хромая, Джон Эймос и взглянул на нас очень злобным взглядом.

– Мадам! Вы испортите ребенка, потакая каждому его желанию. Следовало бы вам знать это.

– Джон, – высокомерно проговорила она, – не смей больше входить ко мне без стука, оставайся в своей комнате.

Властная. Оказывается, моя бабушка властная. Я усмехнулся вслед Джону Эймосу, который удалился, бормоча себе под нос, что она не предоставила ему никакой комнаты, а также достойного его положения. Я забыл о нем сейчас же, как только он вышел. Я слишком был занят новым грузовиком и тем, как и почему он работает. Но мое любопытство всегда заканчивалось плачевно: менее чем через час грузовик был разломан на части.

Бабушка молча вздохнула и печально посмотрела на несчастный грузовик.

* * *

Длинные летние дни проходили в нравоучениях Джона Эймса о том, как стать таким же сильным и внушающим страх, как Малькольм, как накопить столько мудрости и коварства. Меня зачаровывала сама внешность Джона: его шаркающая походка, его костлявые ноги, его свистящее дыхание и шипящая речь, его тонкие усы и лысая голова, на которой рос один-единственный белый волос. Однажды мне захотелось выдернуть его.

Между ними с бабушкой были какие-то странные отношения. Она была хозяйкой; она не любила его и могла бы выгнать, но почему-то терпела.

Мне было хорошо между ними двоими; с одной стороны – бабушка с ее подарками, поцелуями и ласками; с другой – Джон Эймс, который учил меня тому, как стать сильным, властным и управлять женщинами. Теперь, когда меня любили, невзирая на мою неуклюжесть и злость, я начинал ощущать ту особую магию отношений, которая существовала между Джори и мамой. Временами мне начинало казаться, что я чувствую музыку закатов. Мне чудилось, что лимонное деревце у нас в саду тихонько поет. У меня был Эппл, мой щенок-пони. И, кроме того, впереди меня ждал мой день рождения и Диснейленд.

Теперь, когда я готовился стать таким же умным, как Малькольм, я начал искать пути сохранить любовь Эппла, пока я буду отсутствовать целых три недели. Я думал об этом по ночам, не спал. Я думал об этом днем. Кто начнет кормить Эппла и красть его любовь ко мне? Кто?

Я подошел к персиковому дереву и проверил, не дало ли оно корней? Оно должно было приняться, но не принялось. Потом я подошел к посеянному мной цветному горошку: глупые семена просто лежали и ничегошеньки не делали.

Проклятие. Я был проклят. Я кинул взгляд на часть парка, за которой ухаживал Джори: все было в цветении. Несправедливо. Даже цветы не хотят у меня расти. Я на коленях прополз туда, где цвели мальвы Джори. По пути я переломал петунии, размазал по земле портулак. Что бы сделал Малькольм, если бы он был на моем месте? Он бы сорвал все цветы Джори, пальцами проделал на своем участке дырки и воткнул туда цветы.

Одну за другой я втыкал в дырки мальвы. Они не слушались и поникали, но я положил их друг на друга – вот и моя часть сада в цветении. Умный, хитрый и коварный.

Я посмотрел на испачканные колени и вспомнил, что порвал сегодня свои штаны о домик Клевера, который начал строить. Я хотел таким способом извиниться перед ним за то, что так часто наступал на него. Вот и он, лежит на веранде и вполглаза смотрит за мной, опасаясь. Меня он больше не интересуется. Когда-то я хотел его любви, но теперь у меня собака получше.

Начали кусаться комары. Я потер глаза, не заботясь о том, что они были запачканы жиром после торчания в папиной мастерской в гараже. Эмме не понравится моя испачканная белая майка, и мама наверняка откажется чинить порванное. Я закусил губу.

Субботы – для отдыха и развлечений, но у меня не было развлечений. Не было хобби, как у Джори. Я не рожден для балета, а только для того, чтобы получать синяки и пачкаться.

У мамы есть Синди. У папы – пациенты. Эмма увлечена готовкой и уборкой; никому нет до меня дела. Я с ненавистью взглянул на Клевера.

– У меня собака лучше, чем ты! – прокричал я ему.

Клевер испуганно залез под стул.

– Ты всего-навсего малый французский пудель! – продолжал орать я. – Ты не умеешь спасать людей из-под снега! Ты не умеешь есть сено и ходить под седлом!

Я каждый день подмешивал Эпплу в пищу все больше сена, чтобы он полюбил сено больше, чем мясо.

Клевер устыдился. Он поглубже залез под стул и посмотрел на меня грустным взглядом, который так действовал мне на нервы. Эппл не глядел такими грустными глазами.

Я вздохнул, встал, отряхнул колени и руки. Надо навестить Эппла. По пути я отвлекся на отработку текстуры стены. Я поднял камень и начал лупить им по стене, стараясь выбить из нее как можно больше камней.

Черт, а что, если эта стена тянется до самого Китая? Может, это она сдерживает монгольские орды? Интересно, кто такие монголы? Большие обезьяны? Название вполне обезьянье – злобные большие обезьяны, которые едят людей. Как хорошо было бы стать Кинг-Конгом, чтобы огромной своей лапой раздавить всмятку все, что я ненавижу.

Тогда бы я первым делом раздавил всех учителей, потом все школы, потом все церкви. Малькольм почитал Бога, и я не хотел, чтобы Бог меня покарал. Я бы снял звезды с неба и приклеил их на свои пальцы, чтобы они сияли, как перстни моей бабушки. А на голову я надену луну. Я бы схватил небоскреб, вроде Эмпайр-стейт-билдинг, и запустил бы им в солнце, чтобы оно выкатилось из нашей вселенной! Тогда все станет черным-черно. Будет вечная ночь. А это – как стать слепым или мертвым.

– Барт, – позвал меня кто-то.

Я подскочил.

– Уйди! – приказал я.

Я хочу развлекаться один. Что она там высматривает опять с этой лестницы? Шпионит за мной?

– Барт, – сказала она. – Эппл ждет тебя: его надо покормить и напоить. Ты же обещал, что будешь хорошим хозяином. Когда животное доверилось тебе, это ко многому обязывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.